

ЭКСПАНСИЯ

ВСЕЛЕННАЯ НЕУДАЧНИКОВ

Роман **ЗЛОТНИКОВ** Сергей **МУСАНИФ**

Сергей Мусаниф
Роман Валерьевич Злотников
Вселенная неудачников
Серия «Вселенная неудачников», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=177688
Вселенная неудачников : [фантаст. роман] / Роман Злотников, Сергей Мусаниф: АСТ; Москва;
2012
ISBN 978-5-271-45707-4

Аннотация

Далекое будущее. На ограниченном пространстве, называемом Сектором Исследованного Космоса, сошлись целых три разумные расы. Они находятся примерно на одном технологическом уровне. Они не желают иметь между собой ничего общего. Каждая из них привыкла считать себя конечной целью эволюции. Большая война становится лишь вопросом времени, и победит тот, кто вступит в нее последним.

Вселенная неудачников – это похожая на тюрьму космическая станция, предназначенная для содержания пораженных в правах людей. Но на самом деле все гораздо глобальнее. И граждане Демократического Альянса, и верноподданные Кленнонской Империи, и развитые динозавры из Гегемонии Скаари – они все живут во Вселенной неудачников.

Им всем тотально не повезло...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роман Злотников, Сергей Мусаниф Вселенная неудачников

Пролог

Убивать легко.

Не знаю, смог бы я с такой же легкостью стрелять в людей. Вполне возможно, что не смог бы, несмотря на все эти курсы усиленной боевой подготовки. А впрочем, кто знает...

В любом случае Чужие не похожи на людей. Они больше смахивают на персонажей компьютерной игры, поэтому меня не покидает чувство нереальности всего происходящего.

Да и футуристическое оружие, которое я сжимаю в своих руках, не придает событиям реалистичности. Плюс джунгли с растениями, которые никогда не росли на моей родной планете...

Полное ощущение какого-нибудь «Анриала». Или «Крайзиса» вперемешку с «Думом».

А уж в шутерах от первого лица я всегда был настоящим профи...

Десантники Чужих не таятся. Они уже считают эту планету своей. Имеют право – местное подобие орбитальной обороны им удалось уничтожить меньше чем за пять часов. Рекордный срок для населенных планет земного типа.

Единственный космопорт был захвачен еще через час.

По большому счету туземную армию и армией-то сложно назвать. Народное ополчение, вооруженное по образцу позапрошлого века и действующее исключительно на голом энтузиазме. Нам говорили, что взвод пехоты Альянса способен выбить до нескольких батальонов местных вояк, при этом даже особенно не напрягаясь. Хотя я не особенно верю. Американцы в Афганистане имели едва не большее техническое превосходство, но малограмотные афганские крестьяне жарили их там всюду. Как, впрочем, и советских солдат десятилетием-двумя раньше. Но для моих соратников, детей улицы гиперурбанизированного мира, мысль, что техническое превосходство определяет все, – единственно верная. И даже единственно возможная. Мол, с технологическим превосходством не поспоришь. Крестьяне с вилами против закованных в панцирную броню рыцарей много не навоюют. Ну да пусть себе тешатся...

Я занимаю позицию на вершине холма. Дюк находится на соседнем, таким образом мы контролируем две доминирующие над местностью высоты. Все как по учебнику. Впрочем, на самом деле мы только по учебнику пока и умеем. Собственного опыта у всех с гулькин нос или вообще – абсолютный ноль. Минус 273,15 по Цельсию. Но, судя по всему, в этот раз это вполне сработает. Ибо Чужие, похоже, даже учебник читали плохо. Они просто тупо прут по открытому пространству, беспечно крутя головами и скалясь. Наверное, их тоже пичкали какими-то сказочками про подавляющее превосходство – технологическое, расовое или видовое...

Мы позволяем Чужим подойти поближе. Мы знаем, за чем они охотятся и что ищут в этих лесах. И для того чтобы получить желаемое, Чужим придется пройти мимо нас.

Их пятнадцать, стандартный штурмовой отряд. Пятнадцать взрослых особей, прирожденных бойцов. В рукопашной схватке у человека нет ни единого шанса справиться с взрослым воином скаари. Они слишком сильны, и рефлексы у них процентов на пятьдесят быстрее человеческих. А это значит, что нам надо стрелять очень быстро. И очень точно.

Если бы нас было хотя бы трое... Увы, на весь отряд нашлось всего две снайперских винтовки, поэтому и пошли мы с Дюком. Как два лучших стрелка. Хотя Азим утверждал, что он стреляет лучше любого из нас... Но он не пехотинец и вообще не имеет к Альянсу

никакого отношения, поэтому никто из наших парней не рискнул бы пойти с ним в паре. Азим – профессионал не хуже нас, а может быть, в чем-то и лучше. Но он служит в другой армии. И просто поэтому ни одному из нас не достичь с ним даже минимально необходимого для успеха уровня взаимодействия. Мы отрабатывали разные схемы боя. У нас разный язык жестов, разные привычки, разные схемы поддержки и целеуказания...

Скаари приближаются. Я не думал, что название расы из когда-то популярной компьютерной игры доживет до этих дней. Тем более не думал, что это название может обрести свое реальное воплощение. Но ведь они действительно похожи...

Визор выдает пятьсот двенадцать метров до цели, когда я слышу голос Дюка, доносящийся из имплантированного в мой череп динамика:

– Работаем.

Я навожу прицел на предпоследнего в группе бойца. Виртуальный прицел – это небольшой красный крестик, видимый исключительно в моем визоре. Чистый «Дум». Только функции «сохранение» и «загрузка» не работают.

Дюк стреляет первым.

СВК-90, входящая в комплект стандартного вооружения штурмовых отрядов Альянса, работает бесшумно, и выстрела никто не слышит. Даже скаари с их обостренным слухом.

Замыкающий отряд воин падает, получив пулю в голову.

Зря эти ребята полную броню решили не надевать. Все-таки не на пикник собирались.

Я стреляю секунды на две позже Дюка и снимаю бойца, ставшего замыкающим после выстрела моего сержанта. Быстро перевожу прицел, валю следующего. Мой третий выстрел совпадает со вторым выстрелом Дюка.

Только теперь скаари начинают суетиться.

Похоже, ребята действительно расслабились. В тех фильмах, которые нам крутили в учебке, Чужие реагировали на угрозу гораздо быстрее. Или нас специально запугивали, или мы сейчас просто не на тот клан нарвались...

В общем, засуетиться-то они засуетились, только деваться от нас им некуда.

Из всех естественных укрытий в наличии только деревья, и обеспечивающей маломальское прикрытие толщиной ствола может похвастаться едва лишь одно из пяти.

В принципе деревья и высокая, местами доходящая до пояса трава могли бы их спасти. Если бы снайпер был один. Но мы с Дюком били с двух сторон.

Я сделал шесть выстрелов по формуле, которую нам вдалбливали инструкторы по боевой подготовке. Один выстрел – одна смерть.

За это время Дюк свалил четверых. Он очень хорош для своего времени и рода войск, но ему не хватает моего геймерского опыта. Некоторые компьютерные персонажи двигаются с гораздо большей скоростью, чем существующие в реальности враги.

Остается пятеро.

Они пытаются укрыться в траве, выбирая места, где она растет повыше. Встроенный в визор датчик движения показывает мне три цели.

Эффективность огня снижается. Для того чтобы убрать следующую пару Чужих, мне приходится потратить целых три выстрела.

Дюк достает еще одного.

– Двое, – выдыхает сержант.

Такое ощущение, что он висит у меня над плечом. На самом деле до него почти километр.

Двое. Это он верно заметил. Умеет считать, зараза. Только я вот ни одного не вижу. И датчик движения ничего не фиксирует. То ли эти двое самые умные, то ли самые везучие...

– Инфракрасный режим. – Дюк сообщает на доли секунды раньше меня.

Только все это без толку. Температура тела скаари подстраивается под температуру окружающей среды. Конечно, если речь не идет об отрицательных или запредельно высоких температурах. Но здесь, на фоне тропических джунглей...

– Без мазы, – сообщает Дюк то, что я уже и так вижу.

Пытаюсь представить, что я бы сделал на месте этих двух скаари. Отступить бессмысленно, пространство позади них отлично простреливается. Прорываться вперед глупо. Затаиться на месте – без толку, двое опытных снайперов рано или поздно найдут такую мишень.

Я бы постарался вычислить стрелка и ликвидировать угрозу. Даже если стрелков двое. Уничтожь одного, и ты окажешься в более выгодном тактическом положении, чем был до этого. Ибо займешь господствующую высоту.

Допустим, они знают, что стрелков двое. Не могут не знать, хоть чему-то же их учили. Стали бы они в такой ситуации разделяться или попытались бы навалиться вдвоем на одного?

Я перевожу взгляд выше и внимательно присматриваюсь к склону холма, на котором залег Дюк. Не сомневаюсь, что он в это время осматривает склон моего холма.

...Я выпускаю винтовку из рук, резко перекатываюсь влево, попутно выхватывая из кобуры игольник. Импульс штурмового лазера скаари бьет по тому месту, где я лежал мгновение назад, и превращает винтовку в лужу расплавленного пластика и металла.

– ...мать! – орет в наушнике Дюк.

Скаари внезапно оказывается на вершине холма. До него всего около пяти метров – расстояние двух его прыжков. Он видит меня и срывается с места.

Черт подери, какой же он быстрый! Как в учебных фильмах.

Он отталкивается от земли второй раз и летит прямо на меня, когда я всаживаю три иголки ему в голову. Голова взрывается, как перезрелый арбуз, который расстреляли из дробовика.

Проблема скаари в том, что они слишком полагаются на свое физическое превосходство. И если у них есть выбор между стрельбой и рукопашной, предпочитают рукопашную.

Возможно, в девяти случаях из десяти такой подход сработал бы. Но не со мной.

Я всегда голосую за стрельбу.

Обезглавленный труп скаари падает в полуметре от меня. Остается только последний штурмовик. Или не остается?

– Я снял одного на склоне, – сообщает мне Дюк. – Ты жив, Алекс?

– Живее всех живых, – этой хохмы он все равно не знает.

– Тогда пошли собирать трофеи, – говорит Дюк. – Чувствую я, что наши приключения в этих лесах затянутся надолго...

Часть первая

Земля

Глава 1

Не помню, что мы праздновали: Мотологический новый год, сдачу кем-то какого-то экзамена или покупку машины. В общем, тема вечеринки не особенно важна. Повод для вечеринки – это только повод, и он забывается после первой осушенной бутылки.

Вечеринка была правильная.

Правильная вечеринка – это та, которая не укладывается в один вечер, требуя все нового и нового продолжения. Сменялись лица, сменялась обстановка, менялись напитки и посуда, а вечеринка продолжалась, потому что show must go on, как пел незабвенный спидоносец Фредди.

Мы пили. Кабаки, из которых нас выгоняли, сменялись ночными клубами, в которые нас не хотели пускать, были чьи-то квартиры с прокуренными кухнями и соседями, обещающими вызвать милицию, чьи-то машины, в которых мы куда-то ехали. А когда и просто сидели в салоне, говорили за жизнь или травили анекдоты и пили. Была какая-то дача, в которую мы вломились в отсутствие хозяина, но Вадик утверждал, что хозяин в курсе и в принципе не возражает. Были смазливые девицы, чьих лиц я не запоминал, а имен даже не пытался запомнить.

Кто-то жаловался мне на жизнь, кто-то клялся в вечной дружбе, кто-то порывался выяснять отношения, кто-то объяснял мне, как следует писать, кто-то учил меня жить. А я пил.

В первый день запоя человек пьет по какому-то поводу, будь то неразделенная любовь, удачная покупка или просто желание выпить. Все остальные дни он просто оттягивает похмелье.

Я вышел на кухню в незнакомой квартире. В глаза било солнце, никто не догадался приглушить его свет. Хотелось курить и умереть прямо сейчас. Не знаю, чего хотелось больше.

На кухне сидел Вадик. Взгляд его говорил красноречивее слов, но он решил все-таки озвучить терзавшую его мысль.

– В холодильнике можешь не смотреть, – сказал он. – Пива нет.

Сообщи мне сейчас кто-нибудь, что Страшный суд назначен на послезавтра, не думаю, что я расстроился бы сильнее.

– Денег тоже нет, – продолжал Вадик. – Ни копейки. А у тебя?

– Хрмпф, – сказал я глубокомысленно. – Какой сегодня день?

Вадик посмотрел на календарь, вмонтированный в его дорогие часы:

– Вторник.

– А месяц?

– Фиг знает. Июль, по-моему.

– От блин, – сказал я. – А число какое?

Еще один взгляд на часы.

– Шестое.

Вечеринка началась в районе двадцать девятого, это я помнил точно. Неплохо потусовались, как сказал Ильич, слезая с броневика.

– А мы где? – продолжил я допрос.

– Фиг знает, – пожал плечами Вадик. На этот раз взгляд на часы результатов не дал, картой местности они не обладали. – По-моему, это Москва.

– Уже хорошо, – сказал я.

На Вадике были только трусы и часы, о которых я уже неоднократно упоминал. На мне – джинсы, выглядевшие так, как будто их обладатель спал в них последнюю неделю. Самое поганое, что так оно, скорее всего, и было.

Я пошел в комнату. В комнате спали тела. На ком-то из них я увидел свою футболку. Тело под футболкой было женским и незнакомым. А поскольку футболка была единственным драпирующим его предметом, тело не хотело с ним расставаться. Но спросонья особо сопротивляться не могло.

Отвоевав предмет гардероба, я натянул его на себя, нашел в прихожей свои кроссовки и вернулся на кухню. Вадик по-прежнему восседал за столом с голым торсом и, судя по выражению его лица, думал о тварности окружающего мира.

– Пойдем? – спросил я.

– Не, – скривился он. – Я уже три дня дома не был. Ленка меня убьет.

– Убьет, – согласился я. – Но она все равно тебя убьет, так какая разница, сегодня или завтра?

– Желая умереть похмеленным, – отрезал Вадик.

Как гласит русская народная мудрость, для того чтобы правильно похмелиться, требуется выпить чуть больше, чем было выпито вчера. Я прикинул, сколько я вчера выпил. Мда... Если я выпью сегодня еще больше...

Лучше умереть сейчас.

Я вышел из дома и только на улице вспомнил, какое сегодня число и что это означает. И пожалел, что не умер еще вчера.

Третьего числа истек срок аренды квартиры, в которой я жил, и хозяин ни в какую не соглашался его продлить. Еще он обещал, что четвертого числа, если я сам не уберусь, он выбросит меня на улицу вместе со всеми моими шмотками. Поскольку я не доставил ему удовольствия выбросить лично меня, ему пришлось удовольствоваться выбрасыванием моих вещей. В мусорный контейнер, как он и обещал. Я тот контейнер видел, бомжи тоже.

Мало чего там осталось, да и то, что осталось, не вызвало желания достать его из мусорного бака и надеть на себя, даже после необходимой дезинфекции.

Естественно, ноутбук на помойку он выбрасывать не стал. Оставил себе в качестве компенсации за моральный вред.

Восьмого я сидел в кафе, курил сигареты из купленной на последние деньги пачки и пил кофе, который знакомый бармен налил мне в кредит. Одновременно со всем этим я прикидывал, к кому сегодня можно напроситься на ночлег.

Вариантов было не так много.

У женатых друзей лучше не ночевать. Их вторые половины имеют обыкновение смотреть на меня не очень добрыми глазами.

Холостые друзья делятся на две части – трудоголики и алкоголики. С трудоголиками скучно. С алкоголиками я долго не протяну. Был еще вариант завалиться к какой-нибудь подруге, но настроение совсем к этому не располагало.

И тут позвонил Стас.

Его звонок стал для меня манной небесной. Или оазисом посреди пустыни, в которой я умирал от жажды. Или чем-то там еще... Неважно. Но именно с этого звонка все и началось.

– Привет, Лёха, – сказал он. – Ты сейчас где? Если географически?

– В «Парусе».

- Шикарно. Ты пробудешь там еще минут сорок?
- Позволь полюбопытствовать, с какой целью?
- Есть тема. Тебе понравится.
- Жду, – сказал я.

Стас подъехал не через сорок минут, а через час. Но это нормально. Пробки и все такое...

Припарковав свой «Форд-Фокус» напротив кафешки, он вошел в зал с видом хозяина жизни, который так любят напускать на себя менеджеры среднего звена, недавно получившие повышение, и плюхнулся на стул напротив меня.

– По шкале «имидж на миллион долларов» ты смотришься centa на два, – заявил он, заказывая двойной эспрессо.

- Я их взял взаймы, – сказал я. – Что за тема?
- Ты ведь сейчас доблестный, российский безработный?
- Я предпочитаю формулировку «свободный художник».
- И как долго ты уже свободен?

– Примерно полгода.

– Денег хочешь?

– Кто ж их не хочет? Когда на сеновал приходиться?

– Загранпаспорт у тебя есть? – спросил он, проигнорировав вопрос о сеновале.

– Где-то был.

– Испанский еще помнишь?

– Коррида, – хмыкнул я. – Мучас грациас, хихо де пута.

– Очень смешно, – сказал Стас. – Короче, тема такая: наш генеральный по делам в Латинскую Америку свалить должен. Типа деловая поездка. А сам он по-испански, как я – по-китайски. Примерно на том же уровне, может быть, даже чуть хуже. Он попросил меня подыскать ему переводчика, и я сразу о тебе вспомнил.

– А штатного переводчика у вас нет?

– Должность толмача штатным расписанием не предусмотрена, – сказал Стас. – Три штуки баксов за две недели. Плюс билеты и полный пансион. Две недели в тропическом раю, и тебе за это еще и заплатят. Как тебе такое предложение?

– Весьма. Сколько я должен тебе откатить?

– Нисколько, – оскорбился Стас. – Вылет через три дня, так что давай прямо сейчас за твоими документами подъедем.

– Все свое ношу с собой, – сказал я, извлекая паспорт из внутреннего кармана куртки.

– Предусмотрительно, – оценил Стас. – Тогда я погнал.

– Подожди, – остановил я. – У меня есть еще пара вопросов делового характера.

– Слушаю, – он опустил на стул, с сожалением заглядывая в пустую кофейную чашку.

Вот что значит – деловая элита. Все очень быстро, все на бегу...

– Мне нужны деньги, – сказал я. – Аванс. Обновить гардероб, так сказать...

– Оплатить счет за кофе, – подхватил он. – Без проблем, пяти сотен хватит? С гардеробом, кстати, можешь особо не париться. Там, куда вы едете, довольно жарко, и деловой формой одежды считаются шорты.

– Собственно говоря, это второй вопрос, – сказал я. – А куда мы едем?

– То ли в Белиз, то ли в Бенин, я точно не помню, – отмахнулся Стас. – В общем, какая-то жуткая дыра.

– А что ваш генеральный забыл в жуткой дыре?

– Друга молодости, скрывающегося от российского правосудия, – ухмыльнулся Стас.

– Клево, – оценил я. – Надеюсь, на обратном пути меня не заставят глотать полиэтиленовый контейнер с наркотиками?

– Как говорил хирург, составляя список операций на день, Надежда умирает последней, – хохотнул Стас, выудил из бумажника пять сотенных купюр и протянул их мне. – Не волнуйся, наш генеральный уже давно криминалом не занимается. Солидная фирма у нас. Уж года три как.

– Зашибись, – сказал я удаляющейся спине Стаса.

– Обязательно, – пообещал он.

Уже через минуту его «Форд» покинул стоянку. В Москве вообще все происходит очень быстро.

Шесть лет назад мы все «понаехали» в столицу нашей Родины, чтобы покорить этот город. Собрались из разных концов страны, некоторые – даже из других стран. Эти шесть лет пролетели очень быстро. Казалось, буквально вчера я слез с поезда Владивосток – Москва и подал документы на поступление в институт.

Но город покорился немногим.

Стас свалил с третьего курса экономического факультета МГУ, мотивируя свое решение тем, что он хочет кушать чаще, чем три раза в неделю. Полученных знаний и врожденной наглости оказалось достаточно, чтобы устроиться на довольно неплохое место, потом он обзавелся нужными связями, и его карьера пошла в гору.

Я умудрился получить диплом. Хотя иногда сам факт моего бесплатного поступления в институт казался мне чудом. Наверное, просто повезло. Везет же дуракам. Или все-таки существует некоторый процент абитуриентов, превращающихся в студентов без использования волшебного слова «блат»?

Институтские годы... Прогулянные лекции, студенческое общежитие, пьяные загулы, длинные вечеринки, короткие романы... Все это было весело. Все это было так, как и должно было быть.

Но после получения диплома все оказалось совсем не так радужно.

Новоиспеченному журналисту без опыта работы, связей и рекомендаций совсем не просто устроиться по специальности. Через полтора месяца мытарств я получил место редактора в районной газетенке бесплатных объявлений. Скажу прямо, это было вовсе не то, о чем я мечтал.

Дело даже не в зарплате. Мне хотелось большего масштаба, большей аудитории, совсем другого уровня подачи материала. Да и самого материала хотелось другого. Не «дешевые пластиковые окна», «продам машину недорого» и «сантехник ЖСК-45 опять напился и оставил три дома без горячей воды», а что-нибудь глобальное. Какое-нибудь сенсационное расследование. С разоблачениями, судебными исками за клевету, телевизионными интервью и прочими прелестями журналистской жизни.

В связи с невозможностью получить все это у меня возник «синдром Паланика», достаточно подробно описанный им в «Бойцовском клубе». Я принадлежал к поколению, у которого нет ничего, кроме амбиций. А амбиции вовсе не гарантируют успеха.

Я был готов вкалывать, но это никому не было нужно. Если бы я был на двадцать лет старше, у меня был бы шанс выбиться в олигархи. Если бы я был на десять лет старше, я мог бы стать топ-менеджером корпорации, принадлежащей одному из олигархов. Но у моего поколения нет шанса прыгнуть выше места менеджера среднего звена. Мне никогда не стать звездой рок-н-ролла, знаменитым спортсменом или автором бестселлера. Таких, как я, миллионы. В лучшем случае нам светит только мешанство. Стандартный набор «квартира-машина-дача», восьмичасовой рабочий день пять дней в неделю, выходные с семьей, вечера у телевизора, кризис среднего возраста и тихое отчаяние человека, понимающего, что жизнь проходит мимо него.

В качестве альтернативы можно уехать в Гоа и валяться на песке, любуясь закатами и поплывывая в Индийский океан. И вообще ничего не делать.

Мне хотелось другого. Не большего, а просто – другого.

Обещанная Стасом поездка в Латинскую Америку сулила хоть какое-то приключение.

Государством в Центральной Америке оказался все-таки Белиз, а не Бенин. Бенин вообще в Африке находится, как подсказал мне географический справочник в ближайшем интернет-кафе. Белиз же граничит с Мексикой и Гватемалой, омывается Карибским морем... Шикарное, должно быть, местечко.

Справочник утверждал, что официальным языком Белиза является английский, а не испанский, который там широко распространен. Полагаю, что генеральный директор Стаса и английским не владеет.

Тем ценнее услуги переводчика, способного разговаривать и по-английски, и по-испански.

Я еще несколько часов просидел в интернет-кафе, получив максимум информации о стране, которую мне предстояло посетить с визитом. Потом просто пошарился по разным сайтам, встрял в две дискуссии на форумах, на одном из них был забанен и покинул кафе с чувством выполненного долга.

Проблема ночлега передо мной больше не стояла. Человек с пятью сотнями зеленых американских рублей и человек, не имеющий ни копейки, – это два совершенно разных человека.

Небольшой джентльменский набор, два телефонных звонка, и подруга бурной молодости была готова приютить меня на все время до отлета...

Глава 2

Путешествие прошло нормально. Стасов генеральный директор («Зови меня просто Владимиром») оказался бизнесменом формации девяностых годов, снявшим малиновый пиджак и слегка окультуренным. Сев в самолет, он сразу же накачался виски из «дьюти фри» и отключился на все время трансатлантического перелета.

Четыре часа ожидания в международном аэропорту Далласа, и мы сели на самолет до Тихуаны. Там нас уже ждал чартерный рейс, направляющийся в город Белиз одноименной страны. Жаль только, что Владимир сэкономил время и решил не отправляться в Белиз на яхте. Плавание по Карибскому морю могло бы подарить куда больше впечатлений, чем суточные перелеты.

И сами впечатления были бы куда более приятными и запоминающимися.

Жаркое мексиканское солнце плавало асфальт аэродрома и выпаривало из организма Владимира остатки алкоголя, выступающие на его коже обильным потом.

Попав в Мексику, я понял смысл презрительного выражения «гринго», которым туземцы одаривают европейцев. Мы с Владимиром, бледнокожие и светловолосые, смотрелись абсолютно чужеродными элементами на фоне смуглых латиносов и не менее смуглых латинок.

Чиновник местной авиакомпании, предоставившей нам чартерный рейс, вывел нас на взлетное поле. Несколько мальчишек тащили чемоданы Владимира и сумку с моим нехитрым скарбом. В принципе я мог бы нести ее и сам, но если есть возможность почувствовать себя белым человеком, почему бы ею не воспользоваться хотя бы раз в жизни?

А потом мы увидели самолет...

– Что это за херня? – спросил Владимир.

– Это что? – переадресовал я вопрос местному чиновнику.

– Это ваш самолет, – гордо сказал чиновник. – Чартерный рейс до Белиза.

– Это самолет, – перевел я Владимиру. – По крайней мере парень утверждает, что это так.

– Это не самолет, – отрезал Владимир. – Это антиквариат.

В общем-то Владимира можно было понять. Говорят, что российские самолеты морально и технически устарели и летать на них небезопасно. Что ж, те, кто это говорит, мексиканских самолетов даже близко не видели.

Помните старый добрый фильм про приключения Индианы Джонса? Самая первая серия, где еще не было ни фашистов, ни библейских артефактов.

В самом начале фильма Инди со товарищи сбегает от преследующих его гангстеров при помощи небольшого самолета местной авиакомпании, специализирующейся на перевозке грузов в отдаленные уголки Азии. Самолет завален мешками с провиантом и клетками со всякой домашней птицей и скотиной и совершенно не предназначен для перевозки пассажиров. Потом оказывается, что пилоты работают на тех же гангстеров, от которых камрад Джонс так успешно сбежал. Они сбрасывают из баков все горючее и покидают борт при помощи парашютов, предоставляя Джонсу и его друзьям выпутываться из довольно сложной ситуации. Дальнейшее уже неважно.

Так вот, аппарат, на котором нам предстояло лететь, был похож на самолет из этого фильма. С небольшой скидкой на то, что действие фильма происходило году этак в тридцать девятом, и с тех пор самолет постоянно использовался и никогда не слышал о капитальном ремонте.

Если вы видели названный мною фильм, то можете вообразить, что это был за самолет. Если не видели, постарайтесь представить. Встречались ли вам вазовские «копейки» семидесятых годов выпуска? Не те, что десятилетия простояли в гаражах у экономных пенсионеров, а те, что сменили десяток владельцев и использовались круглый год, в том числе и для перевозки картошки с дачи?

Про такие машины можно сказать только одно доброе слово – они ездят. В принципе. А уж как они ездят и насколько далеко могут уехать, лучше не задумываться.

– Это летает? – спросил Владимир.

– По-видимому, – ответил я. – Бывают же действующие музейные экспонаты.

– И они хотят, чтобы я на этом полетел?

– Похоже, да, – сказал я.

Будучи в состоянии эмоционального шока, Владимир явно упустил из виду тот факт, что мне тоже предстояло на «этом» лететь.

– Ни за что, – отрезал Владимир.

Местный чиновник, с живым любопытством прислушивающийся к нашему диалогу, широко улыбнулся и заявил, что это лучший самолет их компании. Я перевел сие утверждение Владимиру.

– Значит, нет смысла требовать у них другого самолета? – вздохнул тот.

– Есть смысл просить предоставить нам другой самолет? – спросил я у чиновника.

– Другой самолет? – удивился чиновник. – А чем вам не нравится этот? Это хороший самолет. Он в нашей авиакомпании уже лет двадцать летает.

На мой взгляд, это вряд ли могло служить лестной характеристикой как для самолета, так и для их авиакомпании, но озвучивать свою мысль мексиканцу я не стал. Черт его знает, как поведет себя вспыльчивый латинос, если ему покажется, что своим намеком я оскорбляю честь его фирмы.

– Он говорит, что это – хороший самолет, – сказал я Владимиру.

– Парашюты на борту есть? – мрачно осведомился он.

Чиновник озадачился переведенным мною вопросом и позвал пилота. Лучше бы он этого не делал.

Пилот оказался маленьким сухеньким старикашкой в парусиновых штанах, грязной рубашке и туфлях на босу ногу. Больше всего он напомнил мне таджика-гастарбайтера с какой-нибудь подмосковной стройки. Я б такому даже плитку не доверил укладывать, не то что свою жизнь.

– Парашюты есть, – заверил нас пилот. – Два. Только парашюты вам не понадобятся. Я на этом самолете всю жизнь летаю. Ни одной аварии.

Речь пилота меня порадовала. Отдельно меня порадовало количество парашютов. Если что, кому-то из нас троих придется овладеть непростым искусством полета в ускоренном порядке.

Решение оставалось за Владимиром. Взвесив все «за» и «против» – перелет на чуде инженерной мысли прошлого века и перспективу ночевки в местном отеле с последующим поиском другой авиакомпании, – он вытащил из саквояжа бутылку виски, сделал порядочный глоток и решил лететь.

Потом он предложил бутылку мне.

И на этот раз я отказываться не стал.

Над городом Белизом, что находится в государстве Белиз на берегу Карибского моря, властвовала жара.

Стоило только выйти из самолета, как мы ощутили это в полной мере. Заодно стал понятен выбор предоставленного нам самолета. Исходя из невеликой длины взлетной полосы, можно предположить, что «Боинг» тут не сядет.

К нам сразу же подбежали мальчишки-носильщики, предлагая отнести наш багаж к стойке таможенника. Разумеется, отказываться мы не стали.

Таможенная процедура оказалась формальностью. Похожий на молодого Бандераса чиновник глянул в наши документы, шлепнул штампы в паспорта и пожелал нам приятного пребывания в стране, даже не поинтересовавшись целью визита. Такси удалось поймать без труда, и уже через полчаса мы оказались в прохладном холле самого роскошного отеля города. Во всяком случае, так утверждал таксист. Там даже кондиционер наличествовал. Вот они, маленькие прелести цивилизации.

Владимир снял себе номер «люкс», а мне – обычный, но по соседству. Еще один мальчик оттащил наши вещи на второй этаж, после чего Владимир сказал, что до завтрашнего дня он никаких визитов не планирует, попросил меня обменять доллары на местные тугрики и скрылся за дверями своего «люкса».

Я наскоро принял душ, нацепил самые летние штаны, что были в наличии, надел рубашку, сунул в карман переданную мне Владимиром тысячу долларов и отправился на поиски банка, где доллары можно обменять на местные тугрики. Я не стал говорить Владимиру, что местные тугрики тоже называются долларами, только белизскими, чтобы вконец не напрягать его измученный алкоголем мозг.

Сам-то я к концу полета протрезвел, а вот Владимир поглощал алкоголь, не переставая. Наверное, он просто боится летать.

На улице на меня смотрели странно. Не так, будто местные жители впервые увидели белого человека, а как-то по-другому. Не сразу мне удалось это расшифровать, а потом наконец осенило. Так смотрят на своих старых хороших знакомых, которые сделали очередную несмертельную глупость. С пониманием, сочувствием и доброй долей иронии.

Сначала я подумал, что у меня просто ширинка не застегнута, но проверка показала, что с этой частью туалета все в порядке. Тогда я перестал гадать о странных взглядах и продолжил свой путь.

Банк был закрыт. Оказалось, тут банки только до обеда работают, а после начала сиесты все служащие сразу домой уходят. Нормальный такой подход. Мне нравится. Сам бы не отказался от такого графика работы.

Я пораскинул мозгом по улице и попытался придумать, где еще можно поменять деньги. Поиски другого банка не казались мне особенно перспективным занятием, ибо если уж в этой, деловой и престижной, части города двери банка оказались закрытыми, то вряд ли существует вероятность, что где-то открыты двери какого-нибудь другого банка. Если тут вообще есть другой.

Потом я сообразил, что по поводу обмена валюты можно было осведомиться у портье (а кто не крепок задним умом?), собрал разбросанный по улице мозг, развернул свои стопы в сторону гостиницы и тут же был остановлен двумя полицейскими.

Ну, по крайней мере они выглядели как полицейские. Хотя были в штатском.

Однако у стражей порядка любой страны мира всегда одинаковое выражение глаз. У этих хоть лица доброжелательные. И неоправданно широкие улыбки.

– Сеньор говорит по-испански? – осведомился один из копов.

– А то! – сказал я.

Улыбки стали еще шире. Что не помешало обладателям этих улыбок продемонстрировать мне удостоверение сотрудника местной полиции – одно на двоих, очевидно.

– Я что-то не так сделал? – спросил я.

– О нет, – сказал другой коп. – Но мы попросили бы вас пройти с нами, сеньор.

– Куда? – осведомился я.

– В участок.

– Не вижу логики в ваших словах, – заявил я. – Если я ничего противозаконного не совершил, а это так, ибо я еще вообще ничего не успел совершить, да и ваши слова подтверждают сию теорию, то что мне делать в вашем участке?

– Это для вашей же пользы, – сказал коп и улыбнулся еще шире.

Я даже начал беспокоиться, как бы у него лицо не треснуло.

Надо сказать, я весьма настороженно отношусь к незнакомым людям, которые заявляют, что я должен их послушаться ради моей же пользы. Обычно эта «польза» в итоге выходит мне боком, так что с некоторых пор я посылаю таких товарищей куда подальше, но сейчас имел место явно не тот случай. Посылать куда подальше местных служителей закона в первый же день пребывания в чужой стране – не самая умная модель поведения.

И я пошел за ними.

Хорошо хоть по почкам бить не стали...

Как выяснилось, конечным пунктом нашего недолгого пешего путешествия был не просто участок, а местный комиссариат. И отвели меня не к кому-то, а к целому начальнику городской полиции, отчего моя подозрительность только усилилась. Мы, русские, приучены жизнью всегда подозревать худшее.

Начальник городской полиции носил брюки и рубашку цвета хаки, и, несмотря на лениво вращающийся под потолком вентилятор, круги пота украшали его подмышки. А еще у начальника полиции были черные усы, седые виски и огрызок сигары в уголке рта. Обстановка стала напоминать сцену из не самого дорогого американского боевика.

При нашем появлении шеф полиции встал из-за стола, вышел нам навстречу и крепко пожал мне руку.

– Добро пожаловать в нашу страну, хефе, – сказал он.

Надо же. А я думал, обращение «хефе» принято только в верхушках Медельинского преступного картеля из славной страны Колумбии. А, там еще картель Кали есть. В общем, сцена из дешевого боевика получила продолжение.

Еле уловимым движением головы шеф отпустил подчиненных, предложил мне устраиваться поудобнее в кресле и угостил сигарой. Отказываться я не стал, после чего мы несколько минут молча курили, усиливая царящий в помещении абсурд.

– Вы из России, – сказал он, когда я успел выкурить примерно четверть сигары.

Это был не вопрос, а утверждение. Впрочем, в осведомленности шефа городской полиции не было ничего особенного. Его люди могли получить информацию от таможенника или от служащих отеля.

– Да, – сказал я.

Отпираться было глупо.

– Великая страна, – сказал он. – Большая страна.

И не поспоришь...

– Мне нравится Россия, – заявил он.

– Мне в принципе тоже, – патриотично согласился я.

Интересно, он будет спрашивать, гуляют ли по улицам наших городов играющие на балалайках медведи? Не стал.

– Вас видели рядом с банком, – сказал он. – Вы хотели поменять валюту?

– Да, – осторожно сказал я, подивившись его умозаключению. – А это преступление?

– Нет, что вы, – он расплылся в улыбке, показывая мне желтые от никотина зубы. Зато полный набор, насколько можно было судить из моего кресла. – Просто банки у нас работают только до полудня, а сейчас уже четыре часа.

– Я заметил, – сказал я.

– Доллары США?

– Да.

– И какую сумму вы хотели бы поменять?

– Тысячу.

Он выдвинул ящик стола, немного порылся и бросил на поверхность пухлую пачку местных тугриков, как выразился бы Владимир.

– Курс банковский.

Я выдал шефу десять стодолларовых купюр, пересчитал местные тугрики, слегка охренел, когда их оказалось ровно столько, сколько и должно было быть, если курс обмена, вывешенный в рамочке у банкомата при входе в банк, был верным, и стал прикидывать, во что мне завернуть тугрики, ибо в карман они бы явно не влезли.

– Я дам вам газету, – сказал шеф. – Если вы беспокоитесь за сохранность денег или собственную безопасность, мои сотрудники могут проводить вас до отеля. Но бояться вам нечего. Белиз – спокойный город, и мы очень доброжелательно относимся к иностранцам. Особенно к таким иностранцам.

Что-то не совсем понятное мне почудилось в слове «таким». Была в него вложена какая-то многозначительность, словно это была какая-то старая шутка, понятная нам двоим. Но на самом деле я так и не понял, какой смысл шеф полиции вкладывал в это слово.

Интересно, а за каким чертом он баксы по банковскому курсу меняет? Ему-то какая выгода? И вообще, с каких это пор шефы полиции занимаются торговлей валютой? Подрабатывает на стороне, а баксы сбывает куда-то по другому курсу?

Наверное, нетактично его об этом спрашивать.

– Вы, конечно же, турист, – сказал шеф полиции.

Вот, опять эта многозначительность. На этот раз – в слове «турист». Словно он что-то другое хотел сказать.

– Да, турист, – мне показалось, что освещать перед шефом полиции цель поездки моего временного босса не стоит. Мало ли какая тут репутация у его старого товарища по играм в песочнице?

– И ваш спутник, он тоже турист?

Вот зачем он сейчас так улыбается?

– Верно, – кивнул я. – Мы с ним оба туристы.

Для полного воссоздания атмосферы дурдома не хватало только фразы из старого фильма «Бриллиантовая рука», любимого мною с самого детства. Дескать, «руссо туристо, облик морале». Только не думаю, что главный городской коп города-героя Белиза смог бы оценить сию шутку.

– Когда отправитесь в турпоездку? – Еще одна фраза, в которую вложено нечто большее, чем банальное любопытство или вежливый интерес.

– Мы еще не определились, – сказал я.

Шеф снова загромыхал ящиком своего стола. На этот раз он извлек на свет пухлую бумажную папку с завязанными тесемочками. Я таких лет десять не видел, наверное.

– Думаю, это поможет вам определить точную дату, – сказал шеф полиции, протягивая папку мне. – Здесь все, что вам потребуется, чтобы принять решение.

Маразм крепчал.

Шеф полиции явно принимал меня за кого-то другого, но после того, как он выручил меня с обменом денег, разочаровывать его не хотелось. Поэтому я взял папку, пообещав, что обязательно ознакомлюсь с ее содержимым.

– Не смею больше задерживать, хефе, – сказал глава городских сил охраны правопорядка и улыбнулся мне, как старому знакомому.

Промычав в ответ что-то невразумительное, я покинул его кабинет. В одной руке у меня была пухлая папка, в другой – завернутые в газету деньги. Из рта торчала недокуренная и благополучно потухшая сигара. Копы провожали меня очень серьезными взглядами, в которых читалось нечто вроде уважения. Хотя кто их знает, этих белизцев. Точно – не я. Может, и что-то другое в их взглядах читалось...

На улице меня ждал загорелый тип в помятом белом костюме а-ля мечта Остапа Бендера. Он явно был европейцем, а темный цвет его кожи объяснялся либо частыми посещениями солярия, либо долгим сроком пребывания в тропиках.

Как я определил, что он ждал именно меня? Очень просто. Он со мной заговорил.

– Выплюньте эту гадость изо рта, – посоветовал тип. – Шеф Маркес курит дешевые подделки. Могу предложить вам настоящую «гавану».

Я последовал его совету, выплюнув сигару, и сказал, что прямо сейчас больше не хочу курить.

– Оно и понятно, – кивнул тип. – После сигар шефа Маркеса желание курить возвращается очень не скоро.

Наверное, это городской сумасшедший, подумал я и двинул в сторону отеля. Тип пристроился рядом.

– Как вам город?

– Понятия не имею, – ответил я. – Мы только прилетели.

– Шикарный город, – сказал тип. – Тихий. Почти ничего не происходит.

– Очень завидую горожанам, – сообщил я.

– Будете осматриваться или сразу в джунгли ползете? – спросил тип.

– Пожалуй, немного подождем, – только сейчас я сообразил, что тип заговорил со мной по-английски, и отвечаю ему я тоже на этом языке. С шефом Маркесом мы по-испански разговаривали. – А что?

– Просто любопытно, – сказал тип. – Я – Генри.

– Я – Алекс.

– Холден. Генри Холден.

– Алекс. Просто Алекс.

– Очень приятно познакомиться!

– Взаимно!

Полквартала мы прошли в молчании.

– МИ-5, – сказал тип.

И здесь я затупил.

Как эрудированный человек и гармонично развитая личность, я знал, что МИ-5 – это то же самое, что «Интеллидженс сервис», то есть служба контрразведки Великобритании. И представился этот тип почти как агент 007. (Бонд. Джеймс Бонд. – Холден. Генри Холден.)

Поскольку Белиз находится под юрисдикцией британской короны, не было ничего удивительного, что в стране могут обретаться агенты британской же контрразведки. Удивительно было то, что один из них решил проявить интерес к моей скромной персоне. И, удивленный донельзя, я решил пошутить в ответ. Как мне тогда показалось, удачно.

– КГБ, – сказал я. – То есть, ФСБ.

– Ничего страшного, у нас тоже до сих пор некоторые сотрудники эти названия путают. – На его лице блуждала легкая улыбка, но говорил он абсолютно серьезно. – Хотя мы ждали кого-то из ГРУ. Или из СВР.

– Мы круче, – сообщил я.

– Это да, – согласился Холден. – Хотя ваш коллега не похож на действующего агента.

А я, значит, похож?

– Он аналитик, – сказал я.

Холден уважительно покивал. Видимо, наличие аналитика придавало нашему тандему дополнительный вес.

– С остальными уже познакомились? – спросил Холден.

– А надо?

– От американцев никакого толку, как обычно, – сказал Холден. – Парни из МОССАДа тоже себя никак не проявили.

Как говорят в таких случаях, шизофрения косила наши ряды. Как он может молоть такую чушь со столь серьезным выражением лица? Никогда не поверю, что представители двух потенциально враждебных контрразведок могут болтать на улице, как обычные приятели.

Интересно, а шеф Маркес меня тоже за разведчика принял? Надо будет его папочку повнимательнее изучить...

Видимо, Холден рассмотрел что-то не то в моем выражении лица, потому что он вдруг резко сбавил шаг.

– Я вас не шокировал?

– Немного, – признался я. – Не ждал подобных... откровений.

– Извините, – сказал Холден. – Изучите документы, которые дал вам шеф Маркес. Может быть, найдете для себя что-то полезное. Перед тем, как вы полезете в джунгли, мы с вами еще раз поговорим.

– Обязательно, – пообещал я.

– Если что, я живу в бунгало на побережье. Спросите любого мальчишку на пляже, где найти Генри Холдена, и вам объяснят.

– Учту.

– До встречи, – сказал Холден и наконец-то оставил меня в покое, направившись в сторону комиссариата.

Вот так у них тут, по-простому. Нужен вам агент самой раскрученной спецслужбы мира – спросите мальчишку, и он вам покажет... Дорогу к бунгало на побережье.

Если бы я был звездой экрана, то в этом бунгало меня должен ждать Валдис Пельш и съемочная группа программы «Розыгрыш». С большим тортом и букетом цветов.

Но я звездой экрана не был.

И Стас, предложивший мне эту поездку, вряд ли стал бы вкладывать столько денег в то, чтобы меня разыграть.

Вряд ли – это мягко сказано. На самом деле он никогда бы не стал выкладывать столько денег. У него, наверное, столько и нет.

Значит, остается два варианта. Либо Белиз – это большой сумасшедший дом с открытыми границами, либо меня тут принимают за кого-то другого.

Версия с дурдомом казалась мне более убедительной. Потому что агенты спецслужб не должны вести себя так, как Генри Холден. И шефы полиции – тоже. Интересно, а что же там, в папке? План секретных коммуникаций зеленых космических пришельцев? Карта местности с нанесенными на нее порталами, ведущими в параллельный мир?

Я вернулся в свой номер, сунул сверток с деньгами под матрас, открыл папку и обнаружил в ней кучу документов на английском и испанском языках. Документы изобиловали мудреными терминами, значение которых я не знал и на русском. К ним прилагались сложные графики и, судя по всему, результаты аэрофотосъемки.

М-да. Без пол-литра не разберешься.

Вдохновившись сей типичной для русского человека мыслью, я спустился в расположенный на первом этаже отеля бар и заказал коктейль с наименее экзотическим названием. Помимо меня посетителей в баре было немного: парочка престарелых туристов из Германии, наверное, двое законспирированных агентов Бундесвера, и молодой человек крайне

интеллигентного вида. Молодой человек читал газету, периодически оглядывая помещение поверх развернутого листа. По логике творящегося вокруг меня абсурда сейчас он должен ко мне подойти и выдать очередную порцию абракадабры.

Но он позволил мне выпить первый коктейль, подождал, пока я закажу второй, и только потом сложил газету, встал из-за своего столика и взгромоздился на табурет рядом со мной.

– Пиво, – сказал он бармену.

Очевидно, бармен знал предпочтения молодого человека, потому что не стал интересоваться, какой сорт пива тот предпочитает, и сразу выдал ему запотевшую бутылку и высокий стакан. Молодой человек набулькал пива, подождал, пока осядет пена и отойдет бармен, и только потом заговорил со мной:

– Бен.

– Алекс.

– Русский?

– Да, – сказал я. – Русский. И я журналист. А здесь просто на отдыхе.

– А я – этнограф, – сказал он, заговорщически улыбаясь. – Изучаю быт местных индейских племен. Вы знаете, что они произошли от самих майя?

– Да что вы говорите...

– Точно, – сказал Бен. – Скажите, а ваш... отдых не включает в себя поход в джунгли?

Вот и Холден меня о джунглях спрашивал. И шеф Маркес на какую-то турпоездку намекал. Да что у них тут творится в этих джунглях, если в городе на побережье такая отдача?

– В ближайшие дни – точно нет, – сообщил я.

– Это правильно, – одобрил Бен. – Нужно для начала осмотреться. Изучить местность, понять, что к чему...

Блин, а ведь он по-русски со мной заговорил... Только с легким иностранным акцентом. Как иногда неудобно быть полиглотом... Толком и не сообразишь, на каком языке к тебе обращаются.

– Вы майя тоже в городе изучаете? – спросил я.

– Планирую вылазку на следующей неделе, – сказал Бен. – Хотите составить компанию?

– Вряд ли, – сказал я. – Буду изучать местность.

– Для того чтобы написать статью, все равно придется лезть в джунгли, – сказал Бен.

Опять эта чертова многозначительность.

– Статью о чем? – уточнил я.

– В этой стране хорошую статью можно написать только об одном. – Бен допил пиво, дружески хлопнул меня по плечу и вернулся за свой столик, где сразу же снова спрятался за газетой.

Чего приходил, чего хотел...

Глава 3

Говорят, что утро для русского человека наступает тогда, когда русский человек просыпается. В таком случае утро у меня наступило в районе сиесты. И то я не сам проснулся. Меня Владимир разбудил.

Судя по тому, как у него блестели глаза, для переговоров с местным барменом переводчик ему не понадобился.

– Здоров ты дрыхнуть. – Владимир прошел в глубь номера и завалился в кресло. – Бабки поменял?

– Да, – я вручил Владимиру сверток.

– Это хорошо, – кивнул он. – А то пришлось в местном баре пить, чтобы счет за спиртное в общий счет за номер включили. И не выйти из гостиницы толком. Как город, кстати? Успел осмотреть?

– Частично, – сказал я. – Комиссариат местный очень хорошо рассмотрел.

Владимир наморщил лоб:

– Комиссариат – это что, полиция?

– Ага.

– И как ты туда угодил?

– Дикая какая-то история, – сказал я. – Тут к приезжим очень странно относятся.

– И в чем странность?

Я вкратце пересказал события вчерашнего дня, умолчав только о папке, которую мне вручил шеф Маркес. Хотелось самому документы на досуге поковырять.

Впрочем, Владимир бы в них все равно ничего не понял, ибо иностранными языками он не владеет.

Во время рассказа в голову вернулись мысли о программе «Розыгрыш». А вдруг это его знакомый решил разыграть? Сначала мне мозги запудрить, потом ему... Интересная теория, которая бы все объяснила.

– Нет, – сказал Владимир, когда я поделился с ним своими соображениями. – На Коляна это непохоже. И вообще он на публике светиться не любит. Его наши доблестные органы до сих пор ищут.

– Тогда, может быть, он знает, что тут происходит, – предположил я. – Все-таки он давно тут живет.

– Знать может, – сказал Владимир. – Но по телефону я с ним такие вопросы обсуждать не рискну. Мы с ним созванивались, кстати. Завтра поедем к нему на виллу. А сегодня... – Владимир смутился. – Он мне тут адрес одного заведения подкинул. Думаю, я там и без тебя разберусь. Так что можешь считать себя свободным до завтра. Это тебе на расходы...

Не утруждаясь пересчетом купюр, он выдал мне примерно четверть денежной пачки и свалил в рекомендованное ему заведение. Полагаю, в борделе ему действительно переводчик не понадобится.

Когда я спустился в кафе, было уже время ленча, однако для меня это все равно был завтрак. Заказав себе яичницу с беконом, тосты и много кофе, я закурил свою первую сигарету и оглядел остальных посетителей кафе. Несколько местных жителей, парочка каких-то азиатов в дальнем углу и типичный американский турист, с энтузиазмом поглощающий какое-то местное экзотическое блюдо.

Именно такими американских туристов показывают в американских же кинокомедиях. Крепкий представитель среднего класса: круглое красное лицо, шорты, из штанин которых

торчат бледные ноги, бейсболка с надписью «Ред сокс» и дорогая зеркальная фотокамера на шее.

Заметив мой взгляд, американец улыбнулся и кивнул. А потом еще махнул рукой, приглашая присоединиться к нему за его столиком.

Простое дружелюбие или очередная порция вчерашнего абсурда? Как выяснилось, второе.

– Меня Том зовут, – сказал американец. – Можешь пошутить, называя меня дядей Томом. Я не обижусь.

– Алекс, – представился я.

– Русский?

– Ага, – похоже, у меня национальность на лбу написана. Впрочем, опознал же я в дяде Томе американца... Может быть, в нас тоже есть что-то типичное, какая-то отличительная черта, по которой нас сразу же можно узнать в любом месте? Но я вроде бы трезвый...

– Мир, дружба, водка, хорошо, – сказал дядя Том по-русски и почти без акцента. Потом перешел на английский: – С этнографом уже познакомился?

– А то, – улыбнулся я.

– Израильяне, черт побери, – скривился дядя Том. – Всегда первыми влезть норовят. Как будто мы бы с МОССАДом информацией не поделились...

Началось...

Мне захотелось завить и побиться головой о столик. Так Бен, оказывается, еще и из МОССАДа? И как я сразу не догадался? Холден из МИ-5, а дядя Том, очевидно, представляет ЦРУ... Под эту ситуацию как нельзя более кстати подходило выражение одной нашей известной актрисы и телеведущей: «Как страшно жить»...

– Впрочем, может быть, и решат. А впрочем, чего тут делить? Как не было никакой толковой информации, так и нет. Одни вопросы, мать их...

Ага, все-таки ЦРУ.

– Если быть точным, первым ко мне Холден приходил знакомиться, – сказал я.

– Англичане своего не упустят, – согласился дядя Том. – Должны же они поддерживать свою репутацию Джеймсов Бондов...

Он громко рассмеялся своей шутке. В это время мне принесли заказ, и некоторое время я мог ничего не говорить по уважительной причине. Впрочем, дядю Тома это не остановило. Как и присутствие официанта, кстати.

– Видишь китаез в углу? – И эта страна учит весь мир политкорректности? – МГБ КНР, мать их. Давно тут торчат. С полгода, наверное. У нас тут прямо-таки столица всех разведок мира. Мы первые тут были, а что толку? Место-то не застолбишь. Потом англичашки подтянулись, типа это их территория. А потом и все остальные понаехали. Тут даже люди есть, которых я еще по Штази помню. И ничего. Как в стену все уперлись. Может, хоть вы разберетесь. Русские – народ толковый.

Приятно было слышать комплимент в адрес своих соотечественников. Если бы еще не приходилось выслушивать весь тот бред, на фоне которого этот комплимент отвесили...

– Версии хоть какие-то есть? – поинтересовался я между двумя глотками кофе.

– Версий полно, – сообщил дядя Том. – Начиная с какого-то локального геологического феномена и заканчивая высадкой зеленых человечков с Марса, мать их. Но подтвердить мы ни одну не можем. Опровергнуть – тоже.

– У вас тут всегда было так открыто? – поинтересовался я. – Все всё про всех знают, и вообще...

– Шокирует, да? – ухмыльнулся дядя Том. – Первое время всех шокирует. Потом привыкают. Чего шифроваться-то? Сидим тут как полные неудачники. А городок маленький. Да и страна небольшая.

– Зато климат хороший.

– Прямо-таки курорт, мать его, – кивнул дядя Том. – Сидим тут, как долбаные курортники. Только вот загар меня не берет. Холден, тот вообще бунгало снял. Живет на пляже, мать его. Он в джунгли и не полезет. Ждет, пока кто-нибудь другой каштаны из огня таскать начнет. А знаешь, что я тебе скажу, Алекс?

– Что?

– Как только кто-то добудет хоть что-то стоящее, тут и начнется самое интересное. – Дядя Том наставил на меня свой мясистый палец, похожий на сосиску. – Начнутся самые настоящие шпионские игры.

Вот весело будет. Надеюсь, к этому времени мы с Владимиром уже благополучно покинем страну. Потому что даже если я встану на главной площади Белиза и буду орать, что я не имею к разведке никакого отношения, мне в этом дурдоме уже никто не поверит. Да что тут у них происходит-то, на самом деле?

– Англичане, израильтяне – с этими мы договоримся, – вещал дядя Том. – Да и с вами, русскими, договоримся. Белые люди должны держаться вместе, и все такое. А вот китаезы, мать их, в этот расклад совсем не вписываются. Они ж тоже в сверхдержавы метят.

– У нас с ними и граница общая, – вспомнил я.

– Тут у них самый большой отряд, – поведал дядя Том. – Человек восемь. Но по городу только эти двое ходят. Остальные в пригороде сидят и на улицу носу не кажут. То ли к вылазке в джунгли готовятся, то ли ножи точат да стволы чистят, мать их. Но это фигня в принципе. У нас тут авианосец поблизости крейсирует. В случае чего – высадим пару батальонов морских пехотинцев и объявим Белиз своей территорией. Британцы, правда, с ума сойдут, да и фиг с ними.

– Думаю, у них на сей счет свои соображения есть, – заметил я.

– Соображения-то у них, может быть, и есть, – согласился дядя Том. – Только авианосца у них ни хрена нету. Конечно, мы под высадку какие-нибудь обоснования подведем. Типа, народные волнения, а мы тут порядок наводим. Чисто в порядке помощи... Только не скоро это будет, по-моему. Если лучшие разведки мира за полгода ничего не накопили...

Черт побери, этот тип вообще вменяемый? С каких это пор американцы с русскими так дружны стали, что предполагаемый агент ЦРУ с предполагаемым агентом ФСБ за одним столиком сидит и государственные тайны разглашает? Видимо, совсем неладное что-то в этом Белизе творится, раз ребята из Лэнгли до такого состояния дошли. И не только из Лэнгли, честно говоря...

МИ-5 с МОССАДом, похоже, в том же состоянии.

Только китайцы знакомиться не спешат. Может, оно и к лучшему...

Ничего, кроме кофе, пить за завтраком я не стал. Хотя такое искушение и было, мне удалось его задавить, и я поднялся к себе с твердыми намерениями почитать документы шефа Маркеса и попытаться хотя бы приблизительно понять, что тут творится.

Не тут-то было.

Папка исчезла. Вчера только лежала в верхнем ящике комода, а теперь ее тут нет.

Проверил остальные вещи. Все на месте. Пропала только папка.

Так люди и начинают верить во всякие шпионские игры...

Я осмотрел замок в двери. Видимых повреждений на нем не обнаружилось, да и то, что я спокойно открыл дверь ключом, говорило о высоком профессионализме взломщиков. Впрочем, для того чтобы проникнуть в номер провинциальной гостиницы, навыков Джеймса Бонда все-таки не требуется.

Обыск, если это был обыск, проводили аккуратно. Кроме заветной папки взломщики ничего не тронули.

Китайцы? Судя по словам дяди Тома, все остальные настроены в пользу сотрудничества, и никакой необходимости осложнять жизнь «агента ФСБ» у них нет. Хорошо хоть не застрелили в качестве превентивной меры.

А ведь могли.

Впервые я осознал, что ситуация не так уж забавна и помимо абсурда в ней присутствует немалая доля опасности. Если все эти парни действительно те, за кого себя выдают, то убить агента вражеской разведки для них все равно что высморкаться.

Во что же ты вляпался, Лёха?

Интересно, а дадут ли нам спокойно улететь? Вдруг эти внезапно народившиеся конкуренты подумают, что мы добыли какую-то важную информацию, и попытаются воспрепятствовать? У них тут и авианосец неподалеку есть...

С другой стороны, не зря же я учился на журналиста. Да с таким сенсационным расследованием меня хоть в «Таймс» возьмут. А в принципе после такого журналистского расследования можно всю жизнь ничего не делать. Писать книги, давать телевизионные интервью и стричь купоны... А потом поселиться в бунгало на пляже, как Генри Холден, и всю жизнь плевать в теплый океан.

Осталась только малость: выяснить, что тут происходит и в чем уже полгода не могут разобраться лучшие разведки мира, а потом унести с этой информацией ноги. И дай бог, чтобы ноги не пришлось уносить в отдельном пакете.

Я посмотрел на часы. Половина пятого. Вечерняя жизнь только начинается.

Кого можно «прокачать» на информацию? Судя по поведению этих ребят, любого, кроме китайцев. Дядя Том, этнограф Бен, Холден...

Ребята, которых дядя Том помнит еще по Штази. Насколько я помню, Штази – это спецслужба ГДР. Если дядя Том их помнит и если он не врет, что он их помнит, то и он, и эти ребята в разведывательном бизнесе очень давно. Бен моложе, наверное, с ним проще найти общий язык. Но он из МОССАДа. А МОССАД всегда себе на уме. По крайней мере, если верить Тому Клэнси¹ и Роберту Ладлэму², основному моему источнику информации о действиях спецслужб.

А Холден показался мне приятным человеком. Конечно, каждый разведчик – профессиональный лжец, и их, наверное, специально учат втираться людям в доверие, так что они уже неосознанно применяют один и тот же образ действий ко всем встреченным на пути людям. Но если здесь никому одинаково нельзя доверять, то лучше выбрать того, кто более симпатичен.

По крайней мере, на спусковой крючок нажмет парень с приятной улыбкой.

Воодушевившись столь оптимистической мыслью, я сунул в карман документы – на всякий случай – и направился на пляж, опрашивать мальчишек о местонахождении бунгало мистера Холдена. Номер я закрывать не стал – а смысл? Воровать там больше нечего, кроме моей одежды, так стоит ли осложнять жизнь очередному разведчику, решившему устроить коллеге дружеский шмон?

Холден не соврал. Услышав его фамилию, первый же встреченный мною на пляже мальчишка проводил меня до его бунгало и даже денег за услуги не попросил. Правда, я все равно ему заплатил. Такой у меня принцип – всякий труд должен быть оплачен. И мой – особенно...

Холден лежал в гамаке на террасе. Из одежды на нем были только шорты.

Рядом с гамаком стоял переносной холодильник. При моем появлении Холден свесил руку, достал из холодильника бутылку пива и швырнул в меня.

¹ Том Клэнси – американский писатель, автор цикла романов о Джеке Райане. – *Здесь и далее примеч. авт.*

² Роберт Ладлэм – американский писатель, автор цикла романов о Джейсоне Борне.

Пришлось ловить.

– Привет, Алекс! Я знал, что ты придешь.

– Интуиция?

– Просто я тут самый нормальный, – объяснил Холден. – Познакомился с Томом?

– Ага.

– Он псих, – убежденно сказал Холден. – Он тебе уже про авианосец рассказывал?

– Рассказывал.

– Он и мне рассказывал. Он всем рассказывает. Можно подумать, все проблемы решаются одними только авианосцами. Впрочем, американцы склонны все упрощать. Типичная детская болезнь молодой нации.

Я подвинул шезлонг так, чтобы из него открывался хороший вид на океан, свинтил пробку с бутылки и сделал глоток.

– Сигару хочешь?

– Пожалуй, нет.

– Как хочешь, – Холден пожал плечами и достал бутылку пива для себя. – Белиз находится под нашей юрисдикцией, поэтому логично, что ты пришел ко мне. Когда-то Великобритания была великой империей, которой принадлежало полмира. Впрочем, вам это должно быть знакомо. Ваша страна тоже когда-то была великой.

– И еще станет, – заверил я.

– Мир меняется, – неопределенно сказал Холден. – Пожалуй, в едва успевшем начаться веке самую большую опасность будут представлять китайцы. Видел китайцев?

– Видел.

– Разговаривал?

– Пока еще нет.

– И не надо. Они разговаривать не будут. Мы для них враги. Другая ментальность.

– А друг другу мы разве не враги? – уточнил я.

Холден внешне никак не отреагировал на мой пассаж, но в его молчании было что-то, отчего я почувствовал себя этак... неловко. Ну как если бы на великосветском приеме хозяйская собачка накакала на ковер, а все гости дружно сделали вид, что ничего не произошло. И только один тип, вроде меня, возьми да и ляпни: «Глядите – говно!»

– Ты шокирован тем, что здесь происходит? – спустя некоторое время спросил Холден, глотнув пива.

– Есть немного.

– Это нормально, – сказал Холден. – В смысле, нормально не то, что здесь происходит. Нормально, что ты шокирован. Поначалу у всех здесь такая реакция. На самом деле это все от безнадеги. То, что ты здесь видишь, это последняя степень отчаяния суперпрофессионалов, которые ни черта не понимают в происходящем. Проведешь здесь еще пару месяцев и сам таким станешь.

– Думаешь?

– Уверен, – невесело улыбнулся Холден. – Я приперся сюда из метрополии, полный энтузиазма и уверенности в своих силах. Думал, что все местные загадки решаются на счет «раз». Но я ни черта не смог сделать. Я был здесь первым. Потом появились другие. Белиз – маленькая страна, а Белиз – маленький городок в этой маленькой стране. Здесь все у всех на виду. И наплыв «туристов», «этнографов», «журналистов» и прочих праздношатающихся не мог остаться незамеченным. Поначалу все шифровались, потому что каждый думал, что сумеет решить задачу быстрее других. Мне надоело первому. Я стал с ними здороваться. Провоцировал на разговоры. Они делали вид, что не понимают, и отмахивались от меня, как от городского сумасшедшего. Ты ведь тоже сначала так обо мне подумал?

– Было такое, – согласился я.

Холден протянул руку, выудил откуда-то здоровенную сигару, откусил кончик, плюнул им в сторону океана и прикурил от зажигалки «зиппо» с нарисованным на ней британским флагом.

– Потом им тоже надоело шифроваться, – продолжал он. – Как только они поняли, что быстрым штурмом этой проблемы не решить. Впрочем, осада тоже не помогла. – Он криво ухмыльнулся. – А знаешь, что самое поганое?

– Что?

– Что мы напрочь испортили свою репутацию, потому что не смогли выдать результат. После такого провала никому из нас не доверят ничего серьезнее, чем работа младшим помощником атташе по культуре при посольстве в Зимбабве. Потому что мы облажались. Причем облажались дважды. Во-первых, так и не смогли выяснить, что за чертовщина здесь творится. Во-вторых, мы тут все засветились друг перед другом. Наши лица уже занесены в базы данных всех мало-мальски приличных разведок мира. Нам никогда больше не работать под прикрытием.

– Мрачная перспектива, – согласился я, постаравшись соорудить печальную мину.

Я в общем-то под прикрытием работать и не собирался. Тем более – против любой из мало-мальски приличных разведок мира.

– У тебя шикарное прикрытие, – объявил Холден. – Алексей Каменский, безработный журналист, решивший подработать переводчиком при средней руки бизнесмене...

Я чуть пивом не поперхнулся. Оперативно ж они работают...

– Я даже на минуту подумал, что ошибся, и никакой ты к черту не агент, – признался Холден. – Впрочем, замешательство мое было недолгим.

– И что же тебя убедило?

– Личное знакомство, – ухмыльнулся Холден. – Разведчик разведчика видит издалика. Обознался, хмыкнул я про себя.

– Вот второй парень, скорее всего, не при делах, – продолжал Холден. – Никакой он не аналитик. Удобное прикрытие, и не более того.

– Почему ты так решил?

– Опыт большой, – неопределенно ответил Холден. – И вообще, не похож он на аналитика. Хотя от вас, русских, всего можно ожидать.

– Это точно, – согласился я.

А сам тем временем плохо подумал про Владимира. Может быть, все обстоит в точности до наоборот? Может быть, это я – его прикрытие, а он – реальный агент? Просто потому, что он на настоящего агента не похож? И пока я тут оттягиваю внимание всех этих ребят на себя, Владимир спокойно и бесконтрольно может заниматься своими делами?

Тогда он просто гений маскировки. Я сам бы его никогда не заподозрил. Одна боязнь полетов чего стоит. Может ли Джеймс Бонд бояться самолетов? Если учесть, что он их и водить умеет? Или это тоже игра?

Ладно, Бонд – персонаж вымышленный. У нас тут грубая реальность. Правда, с легкой примесью абсурда.

– Чего пришел-то? – спросил Холден. – Просто побеседовать или в джунгли лезть собрался?

– У меня папку сперли, – признался я. – Ту, которую шеф Маркес дал.

– Скорее всего, китайцы, – сказал Холден. – Они единственные, кто еще на что-то надеется. Ну, им иначе нельзя. Ни шагу назад, черт побери, – вот их девиз. Упертые ребята. Горы свернут. Не расстраивайся насчет папки. Зайди к шефу, он тебе новую выдаст. У него этими папками полкабинета завалено.

– Зачем?

– Я посоветовал, – сказал Холден. – Типа, чтобы время новеньким сэкономить. Чтоб не занимались они отработкой версий, которые старожилы еще полгода назад отработали.

– Корпоративная солидарность?

– Она самая, – Холден аккуратно отставил пустую бутылку в сторону и достал еще одну.

Такая аккуратность могла свидетельствовать только об одном – агент МИ-5 был смертельно пьян. Наверное, давно он тут лежит.

Впрочем, кто их, разведчиков, знает. Штирлиц, по-моему, вообще не пьянел.

– Все равно эта папка тебе ничего не даст, – сказал Холден. – Все эти данные уже по сотне раз проанализировали. И у нас, и в Лэнгли, и в Пекине. И в Москве тоже. Если бы там было что-то ценное, до этого бы кто-нибудь уже обязательно докопался. Разгадка лежит в джунглях. Только ее никто не нашел.

– Почему?

– Хороший вопрос, – сказал Холден. – Если хотя бы на него ответить, то больше уже ничего и не надо.

– Ты сам там был? В джунглях?

– Пару раз, – беззаботно кивнул Холден. А дядя Том сказал, что не был. Он не все знает? Или наврал? А смысл врать? – А потом там еще два отряда сасовцев местность прошерстили. Эффект нулевой.

Интересно, а если я спрошу, что они искали в джунглях, он сразу поймет, что я не разведчик? И что он сделает, когда это поймет? Посмеется над идиотским положением, в которое сам себя поставил, не без моей, кстати, помощи? Или пустит пулю мне в лоб, чтоб информация о его позоре не достигла благословенной метрополии?

Одни вопросы, черт бы их побрал. Так и живут настоящие разведчики?

– Так что, как сказал бы старина Том, это, мать его, настоящий отпуск. Яркое солнце, теплое море, красивые девушки... Наслаждайся этим, пока тебя не отозвали и не откомандировали в Зимбабве. Там тоже солнце ярко светит. Только моря нет. Возможно, там мы и встретимся...

Судя по тому, в каком темпе Холден осушает бутылки, скоро ему понадобится вылезать из гамака.

Это он при мне уже за третьей тянется. А сколько он их до моего визита осушил?

Пиво, кстати, было неплохим, и как раз нужной температуры. Не слишком холодное, не слишком теплое, а такое, каким и должно быть. Но удовольствия от поглощения сего хмельного напитка я получить все равно не мог. Не до того было.

– Китайцы раз пять уже в джунгли лазали, – продолжил Холден. – По-моему, одна группа до сих пор там. Много их, за всеми не уследишь. Но если б они что-то толковое обнаружили, реакция бы уже поперла. Хоть какая-нибудь. На это, собственно говоря, и вся надежда. Что кто-нибудь что-нибудь найдет, и поперет реакция. Только ее нет. Вообще никакой реакции. Поэтому я и тебе готов помочь, чем смогу. Советом и моральной поддержкой, например. Чтобы ты чего-нибудь нашел и положил начало реакции.

– Тогда отпуск кончится, – сказал я.

– Полгода – это уже не отпуск, – скривился Холден. – Полгода – это перебор. Я устал валяться на пляже и пить пиво. И в борделе местном у меня уже скидки накопительные. Скучно мне. Не для того я в контрразведку пошел, чтобы по пляжам валяться и пиво пить. Я это и так мог делать. Я ведь граф, между прочим. И без пяти минут лорд.

Вот он, истинный цвет английской аристократии. За плечами Кембридж или Оксфорд, жажда романтики и жизни, полной приключений, желание принести пользу короне, служба в «Интеллидженс сервис», и что в итоге? Валяться пьяным в гамаке и изливать душу человеку, которого он принимает за российского шпиона?

Был бы я графом, вряд ли бы на такое согласился. Хотя кто знает... У дворян, говорят, мировоззрение другое.

– Ну и что ты мне посоветуешь?

– Сеньора Луиза содержит самый шикарный бордель на побережье.

– А помимо этого?

– Не пей местную воду. По крайней мере, не забывай ее кипятить.

Видимо, сам Холден уже давно решил эту проблему, полностью заменив воду пивом.

– Ничего более конструктивного?

– Куда уж конструктивней? Ты полезешь в джунгли, обязательно полезешь. Все лезут.

А если бы я мог посоветовать, что и где там искать, я бы уже и сам это нашел. Поэтому я советую тебе не напрягаться. В Зимбабве ты всегда успеешь.

– Чем тебе так не нравится Зимбабве? – спросил я.

– Там нет моря.

– Зачем ты меня вообще к себе приглашал?

– Пивка попить, – сказал Холден. – Да, и еще... хочу тебя предупредить. Если ты вдруг что-нибудь найдешь... – Он выделил интонацией слово «вдруг». – Вся местная полиция работает на меня, в пригороде сидит два боевых отряда китайцев и один – евреев, а у Тома вообще авианосец под боком. Если ты хочешь остаться в живых после находки, тебе нужно будет заключить сделку с кем-то из нас.

– На себя намекаешь?

– Не мне тебе политическую ситуацию объяснять, – сказал Холден. – Мы ведь с тобой европейцы, нам проще договориться и все поделить. А усиления Китая, мне кажется, вам при любом исходе не нужно.

– Если я вдруг что-нибудь найду, обязательно подумаю над твоими словами, – пообещал я.

– Вот и хорошо. Еще пива?

– Не откажусь.

Глава 4

Таксист на раздолбанном в дрова «Шевроле» теряющегося в глубинах истории года выпуска вез нас по живописной дороге через джунгли.

Конечно, «дорога» – это очень громко сказано. Российские дороги ругают те, кто латиноамериканских не видел. Местами под колеса попадался асфальт, но лучше бы его не было. Глина, составляющая основную часть трассы, была укатана куда лучше. Но думаю, что в дождь на эту дорогу лучше не соваться.

Мы с Владимиром сидели на заднем сиденье, периодически подпрыгивая и вцепившись в дверные ручки (это нам водитель посоветовал. Полагаю, чтобы двери не отвалились), и он делился со мной впечатлениями от вчерашнего дня.

– Чокнутая страна, – говорил Владимир. – Чокнутые люди. Когда я шел по улице, мальчишки тыкали в меня пальцами и кричали «Кей-джи-би!», «Кей-джи-би!». Это ведь КГБ на их языке, да?

– Да, – сказал я, не став уточнять, что «их язык» называется английским.

– Все на меня очень странно смотрят.

– Я же говорил, нас тут принимают за шпионов.

– Шпионы – это которые не наши, – веско сказал Владимир. – Наши – это разведчики.

– А если не считать местных, к вам никто не подкатывал? – спросил я. – Станных разговоров не вел?

– Например, кто?

– Другие разведчики.

– Другие разведчики – это как раз шпионы, – сказал Владимир. – А к тебе кто подходил?

– Кто только ко мне не подходил, – вздохнул я.

– Чокнутая страна, – повторил Владимир. – Повидаюсь с Коляном, и свалим отсюда к чертовой матери. Я думал: тропики, экзотика, курорт, позагораю, поваляюсь на пляже, в кои-то веки отдохну где-нибудь, кроме Турции и Египта... В гробу я такие курорты видел. Сегодня они орут «Кей-джи-би!», а завтра перо в бок сунут. Чисто на всякий случай...

Транспорта на местной дороге было немного. За все время поездки – уже больше часа – мы обогнали один автобус и два грузовика. Еще два грузовика проехали нам навстречу. Легковушек тут вообще не было. Похоже, они все остались в городе.

Вчерашние посиделки с Холденом кончились тем, что мы оба нажрались и пьяные купались в океане. Потом пошли в какой-то небольшой бар, расположенный прямо на пляже, там добавили, и Холден заявил, что продемонстрирует мне преимущества классического английского бокса над нашим «долбаным самбо». Для наглядной демонстрации он пытался спровоцировать на драку пятерых зашедших в бар аборигенов, но аборигены слишком хорошо знали Холдена и драться с ним отказались. Тогда он немного побоксировал с тенью, причем, судя по его маневрам, теней было штук пять как минимум, всех победил, выпил текилы, упрашивал бармена дать ему в морду, чтобы показать, как истинный англичанин умеет держать удар, но в морду так и не получил, после чего отправился дрыхнуть в свое бунгало.

Ко мне он не цеплялся. Полагаю, это было одним из проявлений корпоративной солидарности.

И эти люди обвиняют нас в алкоголизме...

Я порывался его проводить, так как у меня были сильные сомнения в том, что британский суперагент сможет самостоятельно найти дорогу домой, но бармен меня отговорил. Он заявил, что сегодня Холден выпил не так уж и много и что он способен добраться до бунгало даже в худшем состоянии. Почему-то я поверил бармену на слово и отправился в отель.

Не знаю, в котором часу вернулся Владимир, но утром в местное кафе мы выползли почти одновременно. После завтрака я вызвал такси, и мы отправились «смотреть домик Коляна».

Мы проехали мимо небольшой деревеньки, в которой жили индейцы. Главной изюминкой их архитектурного стиля были крыши. Крыши были разные – из тростника, из черепицы разных оттенков, из листового железа, причем эти листы раньше явно были бочками, над которыми хорошо поработали кувалдой. Количество стен в домах варьировалось от четырех до одной, что говорило в пользу местного климата. В одном доме вообще не было стен, и крыша покоилась на четырех столбах. Внутреннее убранство дома было открыто всем любопытным взглядам. Очевидно, это было сделано исключительно из хвастовства, потому что помимо развалин мебели в доме стояло древнее пианино. Более странного зрелища мне до сих пор видеть не доводилось.

Минут через двадцать после деревни таксист свернул с основной дороги в джунгли, и дорожное полотно стало еще хреновее. Теперь чуть ли не каждая колдобина подбрасывала нас к потолку. Наверное, было бы безопаснее заказать кабриолет.

Вскоре дорога уперлась в забор. Забор был глиняный и очень высокий, не меньше трех метров.

– Узнаю Коляна, – улыбнулся Владимир. – Он всегда был немного параноиком.

Я расплатился с таксистом, и он свалил в город. Предполагалось, что заночуем мы здесь, а потом Колян отвезет нас обратно на своей машине.

Ворота и калитка, когда-то покрашенные в веселый зеленый цвет, но теперь большей частью ржавые, оказались закрыты. Поскольку звонка, переговорного устройства или камер наблюдения не обнаружилось, Владимир принялся дубасить в ворота кулаком, а потом и ногой.

После третьего удара калитку нам открыл какой-то индеец. Он буркнул, что «хозяин» ждет нас в доме, дождался, пока мы войдем, закрыл за нами калитку и скрылся в неизвестном направлении. Наверное, сумки таскать не хотел.

Хорошо еще, что Владимир оставил номера в отеле за нами и взял с собой не все свои вещи.

По меркам Рублево-Успенского шоссе, жилище Коляна действительно было домиком. Скромный двухэтажный особнячок с большой террасой и колоннами на входе. Дом явно был построен когда-то очень давно, кажется, такой стиль называется викторианским. Наверное, его построил какой-нибудь богатый плантатор, и произошло это не раньше чем в середине позапрошлого века.

Колян – высокий, пузатый и загорелый, в шортах и майке – стоял на крыльце и являл собой образец латиноамериканского гостеприимства: на его лице была широкая белозубая улыбка, а в руках – дробовик.

Специально в нас он не целился, просто дуло было направлено в нашу сторону.

– Не понял юмора, Коля, – сказал Владимир.

– Отойди в сторону, Вова, – велел Колян.

Владимир сошел с дорожки на газон, закурил сигарету и с интересом уставился на Коляна. А Колян в свою очередь не сводил глаз с меня.

Но заговорил почему-то с Владимиром:

– Ты кого сюда привез, Вова?

– Это Лёха. Мой переводчик.

– Ага, – сказал Колян. – Это теперь так называется, да?

– А в чем дело? Что «так называется»? – любопытствовал Владимир.

– Даже досюда дошли слухи, что в городе объявились агенты КГБ, – объяснил Колян. – Что удивительно, их появление совпало с вашим прибытием. В тебе-то я уверен, Вова, а как насчет твоего спутника?

– Бывший студент, безработный, – сказал Владимир. – Мне его сотрудник посоветовал. Сказал, что парень все языки знает.

– Сотрудник, говоришь? И насколько ты веришь этому сотруднику?

– А насколько вообще можно верить человеку, которому платишь деньги? – задал вполне философский вопрос Владимир.

– Зависит от того, сколько денег ты ему платишь, – парировал Колян.

– Достаточно, – заверил Владимир.

– Сейчас проверим. Эй, ты!

– Вообще-то меня Алексеем зовут, а не «Эй, ты», – сообщил я.

– Положи сумку на землю, Алексей, – сказал Колян. – Только медленно.

Поскольку на этот раз дробовик целил мне прямо в живот, пришлось подчиниться. Должен сказать, неприятное это чувство – быть у кого-то на мушке. Вдвойне неприятно, если этот «кто-то» – разыскиваемый преступник, прячущийся от российского правосудия в латиноамериканской стране, где вся полиция работает на «Интеллидженс сервис», доброжелательно относится к шпионам и плюет на соблюдение законов.

– А теперь подними рубашку и повернись, – скомандовал Колян. – И тоже медленно.

– У меня нет с собой альпенштока, – сказал я.

Спустя полчаса мы уже сидели на террасе, потягивали холодные коктейли, курили сигары и обсуждали текущую ситуацию.

– Тихая и мирная была страна, – рассказывал Колян. – Никаких волнений, хунт, переворотов, в которые так любят играть латиносы. Здесь это никому на фиг не нужно. Маленькое аграрное государство. Достаточно небогатое, чтобы на доллары здесь можно было купить многое. Этот домик мне обошелся всего в двадцать тысяч. Плюс десятка на модернизацию и ремонт. Я тут небольшой кусок леса прикупил, живу спокойно, красным деревом торгую помаленьку. А полгода назад начала твориться какая-то хрень.

– Какая именно хрень? – спросил Владимир.

– Твой гэбэшник тебе не рассказал?

– Я думал, мы уже разобрались, что я не гэбэшник, – сказал я. – И вообще, это уже больше десяти лет как ФСБ называется.

– Как ты трамвай ни называй, летать он все равно не будет, – сказал Колян. – Ладно, я верю, что ты не гэбэшник. Гэбэшникам такие сложные легенды не нужны. Грохнули бы по-тихому, и все дела.

– С тех пор, как ты уехал, у нас два президента сменилось, – сообщил Владимир. – Тебя уже никто не ищет. Или ты золото партии с собой прихватил?

– Было бы у меня золото партии, не здесь бы я сидел, – хохотнул Колян. – Короче, примерно полгода назад случилось тут нехилое землетрясение. Причем со светомузыкой. Чего-то в джунглях полыхнуло очень сильно. На полнеба отсветы были. Сначала думали, метеорит.

– Но это был не метеорит, – сказал я.

– Откуда знаешь? – насторожился Колян.

– Догадываюсь, – если бы это был метеорит, кратер со спутника было бы видно, не то что с самолета. Холден бы мне про это давно уже выложил.

– Да, не метеорит, – согласился Колян. – Пожара, как выяснилось, тоже не было. Правительство туда пару экспедиций посылало, но ничего, кроме поваленных деревьев, они не нашли. И тех немного. В общем, решили списать все на подземный толчок. А светомузыку

объяснили чем-то вроде локального оптического феномена. Типа северного сияния, только в тропиках. Потом индейцы стали какие-то сказки рассказывать. Не городские индейцы, и даже не те, мимо которых вы сегодня проезжали. Дикари индейцы, которые в джунглях живут и с оседлыми индейцами иногда пересекаются по поводу товарообмена. Стали они рассказывать сказки, что поселились в джунглях новые боги. Невнятно так. Короче, никто им, естественно, не поверил. Типа, мало ли что дикарям померещилось. Но у индейцев нашли вот это. – Колян сунул руку в карман и выложил на стол круглый кусок металла. Металл ярко блестел на солнце. – Золотой испанский дублон времен Кортеса, – пояснил Колян. – Притом что самого Кортеса в здешних краях никогда не было.

– Мало ли как сюда монету занесло, – возразил Владимир. – Времени-то прошло достаточно.

– Это да, – согласился Колян. – Только золото оказалось очень высокой пробы. Из такого даже ювелирные украшения не делают, не то что монеты.

– Фальшивка? – уточнил Владимир.

– Фальшивка, но более качественная, чем оригинал.

– Мало ли мистификаторов, – пожал плечами Владимир. – Кто-то решил пошутить. Пусть и дорого, но за свои деньги.

– Над индейцами? – усомнился Колян. – Эти монеты чисто случайно на свет выплыли. Их немного. Штук пятьдесят, не больше. Мне моя в три сотни баксов обошлась. И это еще считается дешево.

– Может быть, индейцы вам просто не все показали?

– Исключено, – сказал Колян. – Бесхитростные они ребята, истинную цену этим монетам все равно не знали. Когда у них спрашивали, где они взяли деньги, индейцы ответили, что боги им подарили. Те самые.

– Было бы логично попросить этих индейцев отвести кого-нибудь к тем богам, – сказал Владимир.

Холден со товарищи давно бы до этого додумался.

– Были экспедиции, – сказал Колян. – Сначала просто любопытные лазили, потом правительство парочку снарядило, потом и разведчики всех мастей подтянулись.

– Никто не вернулся? – спросил Владимир.

– Все вернулись, – сказал Колян. – Но никто ничего не нашел. Индейцы объясняют это тем, что новые боги – это индейские боги, и чужим они не видны. А чужими они даже городских индейцев считают.

– Бред какой-то, – сказал Владимир.

– Это еще не все, – продолжал Колян. – Землетрясений больше не было, но светомузыка продолжается и по сей день. Полыхает знатно, причем каждые две недели. Под утро. И продолжается эта фигня от пяти до двадцати секунд. Индейцы утверждают, что таким образом сошедшие на землю боги общаются с теми богами, кто остался там, – он ткнул пальцем в небо. Попал. – Более того, самые старые из них говорят, что такая фигня здесь уже случалась.

– Когда? – уточнил Владимир.

– Примерно сто лет назад. Их версия гласит, что тогда индейцы чем-то обидели богов, и те ушли на время, чтобы вернуться, когда люди станут более совершенными.

– Они большие оптимисты, если вернулись так быстро, – заметил Владимир. – А вот насчет ста лет – сомнительно. Неужели есть такие, кто на самом деле это помнит?

– Древние индейские предания передаются из уст в уста, – хмыкнул Колян. – Конечно, точные сроки не подгонишь, календарей у индейцев нет до сих пор. В смысле, цивилизованных календарей. А когда переводишь что-то из их системы мер в нашу, данные могут быть не точны.

– А как часто тут вообще бывают землетрясения? – спросил я.

– За все то время, что я здесь живу, было только одно, – сказал Колян. – Что было раньше, не знаю. Я не интересовался подобной статистикой.

Холден ею наверняка интересовался. Жалко, что я прошляпил папку шефа Маркеса. Наверняка там все это было. Вернусь в город, надо за новой сходить. Теперь-то я уж по крайней мере буду знать, что искать во всех этих документах.

– Понятно одно – в стране становится беспокойно, – сказал Колян. – Если в ближайшие полгода все это не устаканится, надо сворачивать бизнес и перебираться в другое место. В Эквадор, например. Собственно, по этому поводу я и хотел с тобой поговорить. – Колян выразительно посмотрел на Владимира.

– Лёх, ты погуляй где-нибудь, а мы о делах наших скорбных покалякаем, – сказал Владимир.

– Весь дом в твоём распоряжении, гэбэшник, – ухмыльнулся Колян. – Не суйся только в те комнаты, которые закрыты на ключ. Там я храню трупы своих бывших жен и особо любопытных гостей.

– Понятно, маркиз, – сказал я и ушел «куда-нибудь погулять». Впрочем, коктейль и сигару я с собой прихватил.

В библиотеке я нашел компьютер с выходом в Интернет, и мое мнение о Белизе сильно улучшилось. Хотя, если в стране есть мобильные телефоны, почему бы тут не быть доступу во Всемирную паутину? Разумеется, скорость загрузки страниц была медленной, но я и не в игры играть собирался.

Конечно, нехорошо без спросу пользоваться чужим компьютером, но Колян сказал, что весь дом в моем распоряжении, если не считать запертых комнат, а библиотека не была заперта. И я подумал, что, раз компьютер является частью дома, я вполне могу им воспользоваться. Тем более что я не собирался искать какие-то секретные файлы, которые Колян мог хранить на своем винчестере.

Думаю, как раз их он где-нибудь под замком хранит.

Я вылез в Сеть и затребовал всю информацию по Белизу, которая валялась в свободном доступе.

«Гугл-карты» грузился очень долго, и в итоге никаких черных пятен или кратеров от падения метеорита там не обнаружилось. Также нигде не было ни одного упоминания о «локальном оптическом феномене».

Все остальное меня мало интересовало. Средняя продолжительность жизни, валовой продукт, прирост рождаемости... Это все фигня, к делу отношения не имеющая. Впрочем, я и не рассчитывал найти в Интернете ничего нужного. Скорее всего, и местная папка, которую выдают всем новоприбывшим разведчикам, тоже ситуации не прояснит.

Холден и все остальные считают, что ответ можно найти только в джунглях. Значит, надо идти в джунгли.

Странно, но в тот момент я не сомневался, что идти надо.

Это был как раз тот шанс, что представляется раз в жизни. Ну, может быть, два, но уже далеко не всем. Мой шанс на приключение, мой шанс раскопать что-то значительное, что позволит мне сделать имя в журналистском мире. Вернее даже, просто сделать себя. Понятно, что вероятность добиться успеха там, где потерпели поражение представители ведущих разведок мира, весьма невысока, но если я даже не попробую что-то сделать, я никогда в жизни себе этого не прощу.

Но и лезть в джунгли без оглядки я не собирался. Сначала надо собрать максимум информации в городе. Хотя бы узнать, в какой именно район джунглей надо лезть за ответами.

А еще следует позаботиться о том, чтобы в случае успеха мне не оторвали голову эти самые представители ведущих мировых разведок. Кстати, странно, что здесь нет никого из нашей страны. Или они есть, но лучше шифруются? Или базируются в другом городе?

Этот вопрос тоже следовало прояснить.

Может быть, наши доблестные разведчики просто не стали играть в эту игру и действуют с территории той же Мексики или Гватемалы? Вроде как во времена СССР был такой приемчик у ГРУ, когда на задания в одной стране всегда ходили люди, сидящие под крышей посольства в соседней. Мол, если даже и засыплутся и влетят на «персона нон грата», им все равно по барабану – база у них там, где они ничего незаконного не делали. Точно этого никогда не узнаешь. Но в городе этих парней, скорее всего, нет. Иначе меня не приняли бы за одного из них.

В любом случае действовать надо по ситуации. Неизвестно, что за информацию можно добыть в джунглях и способна ли она как-то повлиять на обороноспособность страны.

То, что Холден, дядя Том, «этнограф» Бен и прочие ребята так думают, еще не означает, что так оно и есть. Они разведчики и обязаны исходить из худшего варианта. Может быть, объяснение окажется безобидным и даже забавным. И все участники этой операции здорово поржут над этим, когда соберутся вместе где-нибудь в Зимбабве.

Владимир с Коляном «калякали о скорбных делах» до самого вечера. Потом симпатичная мулатка сервировала нам стол на той же террасе. После ужина старшие товарищи заперлись в кабинете, то ли продолжая обсуждать совместный бизнес, то ли просто вспоминая славные былые деньки. Поскольку переводчик им не требовался, я вышел побродить по территории поместья и побеседовать с местным населением.

Забором было обнесено несколько гектаров земли. Помимо особняка имели место несколько хозяйственных пристроек, домик для прислуги, бассейн и фруктовый сад. В общем, неплохо устроился Колян на гостеприимной белизской земле.

Местное население – симпатичная мулатка и индеец-привратник, он же садовник, он же все остальное – было не прочь поболтать, но ничего полезного рассказать не смогло. Накормив их байками о холодной стране, где по улицам бродят медведи, пьющие водку и играющие на балалайках, я отправился в свою комнату и закатился спать.

Глава 5

В общей сложности мы проторчали на Коляновой вилле три дня. Старшие товарищи постоянно квасили и беседовали за жизнь, а я был предоставлен сам себе и умирал от скуки. Никаких развлечений, кроме плавания в бассейне, телевизора, показывающего всего три канала, и Интернета, отключающегося сразу после захода солнца (вот такая странная фигня. Особенности латиноамериканского трафика, не иначе), здесь не было.

Казалось бы, живи и радуйся – тропики, джунгли, экзотика... Но душа жаждала действий. За эти три дня я очень хорошо понял Генри Холдена, спивающегося на роскошном пляже от безделья. А ведь он провел тут куда больше времени, чем я.

Поскольку Владимиру не нравились все эти шпионские игры, он изъявил желание покинуть страну как можно быстрее. Колян доставил нас в город на своем джипе, более подходящем для поездок по местным дорогам, чем древнее такси, и я с утра отправился в аэропорт, чтобы договориться о чартерном перелете в Мексику. Вернувшись, я сообщил Владимиру, что обратно он полетит уже один.

Он попробовал возмутиться – дескать, он нанял меня в качестве переводчика, а в Мексике и США вряд ли говорят по-русски, и мне пришлось его долго уговаривать. В итоге я составил ему разговорник из нескольких фраз, которые могли пригодиться при общении с персоналом аэропортов, а он снизил мой гонорар с трех до двух тысяч долларов, но для меня это было уже неприципиально. На две тысячи долларов в Белизе, не особо шикаря, можно прожить год. А если постараться экономить, то и полтора. Я же не собирался задерживаться здесь на столь долгое время. Главное, чтобы хватило денег на обратный билет.

Пока Владимир еще не улетел, я сходил к шефу Маркесу и выпросил у него еще одну папку. Шеф понимающе улыбнулся, папку выдал и дружелюбно пожал мне руку.

Чтобы не терять даром времени, я приступил к изучению документов уже в тот же день.

В принципе ничего нового там не было. Все то же, в более сжатой форме, мне уже рассказал Колян: странное золото, землетрясение, зарево над джунглями. Единственная деталь, о которой Колян не мог знать, это то, что вспышки сопровождаются выбросом тепловой энергии, повышающей температуру окружающей среды примерно на пять градусов. Зона температурного феномена исчислялась десятками квадратных километров джунглей, что говорило о нехилом количестве энергии, но все-таки сужало район поисков.

Сия информация была получена при помощи спутника. Сомневаюсь, что у Белиза был свой спутник. Скорее всего, эти страницы шефу Маркесу подкинул Генри Холден.

На следующий день Владимир улетел в Тихуану, а я прямо из аэропорта отправился на пляж. Все-таки не каждый день представляется возможность искупаться в Карибском море.

Когда я вдоволь наплавался и вылез из воды, рядом с моими вещами обнаружился Генри Холден. Он курил свою неизменную сигару, но был трезв.

– Аналитик улетел, – сказал он. – И теперь совершенно неважно, был ли он аналитиком или просто прикрытием. Его отлет означает только одно – ты собрался лезть в джунгли.

– Как быстро здесь распространяется информация.

– Маленький город, маленькая страна, – пожал плечами Холден. – Я не мог не заметить, что у тебя нет снаряжения для похода в джунгли.

У меня и рации нет. И радистки Кэт тоже. Даже «вальтером-ППК», и тем не обзавелся. Неправильный я шпион...

– Я решил закупить все на месте, – поведал я. – Какой смысл тащить снаряжение через половину земного шара?

– Никакого, – согласился Холден. – А еще тебе понадобится проводник.

– Найду какого-нибудь индейца.

– Запросто, – снова согласился Холден. – Если он потребует больше двадцати долларов в сутки – это обдираловка. Американских долларов, конечно, не местных.

– Запомню.

– Предлагаю сделать ход конем, – сказал Холден. – Моего снаряжения хватит на двоих. И я облазил тот район вдоль и поперек. Могу пойти с тобой.

– Интересное предложение, – я опустился на теплый песок и достал сигарету из пачки. – А не возникнет ли тут конфликта национальных интересов?

– Не думаю, – сказал Холден. – Все равно мы ничего не найдем. А я хоть развлежусь.

– А чего один не пойдешь? – спросил я.

– Скучно. С индейцами даже поговорить не о чем.

– Это очень неожиданное предложение, – отметил я. – Мне надо его обдумать.

– Валяй, думай, – согласился Холден.

Вообще заманчивое предложение. В том случае, если наша экспедиция достигнет успеха, Холден может помочь мне выбраться из страны. Если сам пулю не всадит.

Допустим, мы найдем информацию, важную для национальной безопасности. Тогда Холдену лучше бы знать, что я не из разведки. Можно будет попросить политического убежища в Англии, а потом передать информацию на родину. А уже потом накатать статью и жить на дивиденды.

Если мы что-то найдем.

Если Холден меня не пристрелит.

Если мы сумеем выбраться из страны.

Если меня не пристрелят те, кто стоит за Холденом.

Если в Англии мне удастся выбраться из-под опеки «Интеллидженс сервис».

Слишком много этих «если».

А если ему отказать? И отправиться в джунгли с каким-нибудь индейцем? Тогда меня тупо грохнут при возвращении. Или тупо грохнут в джунглях. Там ведь до сих пор китайцы ползают, если Холден не врет.

– Девяносто восемь процентов из ста, что мы ни хрена не найдем, – объявил Холден. – Один процент – что все факты, которые у нас есть, не связаны между собой, и золото Кортеса не имеет никакого отношения к свечению над джунглями. Полпроцента на то, что это свечение – какой-то локальный феномен. И только полпроцента – что это что-то важное. Но, честно говоря, я в это уже не верю. Как какое-то сияние может повлиять на обороноспособность страны, находящейся в другом полушарии?

Интересно, это он сейчас меня уговаривает или себя?

– В крайнем случае мы можем решить вопрос джентльменским поединком, – сказал Холден.

– На шпагах биться будем?

– Хоть на лопатах, – хмыкнул разведчик. – Ты пойми, мы сейчас не в фильме про Джеймса Бонда. Такой исход маловероятен.

– Тогда почему здесь столько народу из разведки сидит?

– На всякий случай, – сказал Холден. – Знаешь, как это обычно бывает? Кто-то у нас решил перестраховаться. Американцы это просекли и в свою очередь решили перестраховаться. А потом и остальные подтянулись. Цепная реакция. Или стадный инстинкт. Разведчики – тоже люди...

– Двадцать первый век, буйство информационных технологий, – рассуждал Холден, размахивая мачете. Сейчас была его очередь идти первым и прорубать дорогу в джунглях. – У нас есть спутники, позволяющие разглядеть родинку на заднице террориста. При том

условии, что террорист голый и в пустыне. Но все наши технологии оказываются бесполезными, когда дело касается джунглей или городов. Я всегда говорил, ничто в разведке не способно заменить простого человеческого глаза. Главное, чтобы этот глаз оказался там, где надо. И тогда, когда надо. Понимаешь, о чем я, Алекс?

Я кивнул, потом сообразил, что глаз на затылке у него нет, и промычал что-то невразумительное в знак того, что понимаю. Если и сообщать Холдену, что я не имею никакого отношения к спецслужбам, то только не сейчас. Мы еще очень недалеко отошли от его джипа.

Да, часть пути нам удалось проделать на машине. У Холдена оказался вполне приличный «лендровер», который он хранил в гараже при центральной автомастерской города. Когда дороги сменились тропами, «лендровер» показал все, на что он способен. Но дальше того места, где мы его оставили, не смог бы проехать даже танк.

Мы покидали город ночью, но оказалось, что из Белиза нельзя уехать незамеченными. На окраине города мы обнаружили стоявшего на обочине дядю Тома, который выразил желание попрощаться с нами лично.

Рядом с дядей Томом стояло такси с работающим двигателем. Видимо, он только ради нас сюда и приехал. А может быть, бордель мадам Луизы находится где-то поблизости.

– Удачи вам в джунглях, парни, – сказал дядя Том, фотографируя нас на память. – И не забывайте про авианосец.

Я принял предложение Холдена, потому что:

а) таким образом я мог сэкономить на покупке снаряжения;

б) таким образом я мог сэкономить на услугах проводника;

в) почему-то мне казалось, что, в случае чего, с Холденом я смогу договориться. Он показался мне довольно дружелюбным и вменяемым парнем. Конечно, он разведчик, а все разведчики – профессиональные лжецы, но альтернативные варианты казались мне еще хуже;

г) в глубине души я все-таки не верил, что мы можем найти что-то полезное, и воспринимал поход в джунгли вместе с представителем британской разведки как незабываемое приключение, которое вряд ли когда-нибудь повторится. А репортаж можно будет сделать и на основании тех фактов, что у меня уже были: локальные оптические феномены и буйство спецслужб по поводу оных. Сие не сенсация, конечно, но тоже довольно любопытно.

Холден весьма удивился, когда обнаружил, что у меня нет оружия. Впрочем, он тут же одарил меня пистолетом из своих запасов. Это был «Глок», штукovina, которую я только в кино видел. Из фильмов я знал, что стоит такой пистолет очень дорого и далеко не каждый может его себе позволить. «Глок» – оружие профессионалов.

На мой вопрос, не боится ли Холден вооружать своего потенциального противника, британский агент расхохотался.

– Мы идем в джунгли, – сказал он, отсмеявшись. – Джунгли – это не город. Там совсем другие правила. Если мы встретим ребят из МГБ, этих чертовых китайцев, мы не будем раскланиваться друг перед другом и подкидывать шляпы в воздух. Придется стрелять.

Заманчивая перспектива, подумал я тогда. Черт побери, во что же я лезу? Точнее, во что же я уже влез?

– Хочу тебя предупредить, я отменный стрелок, – продолжал Холден. – Так что если дело вдруг дойдет до благородного поединка, я даже могу предоставить тебе право первого выстрела. Я – джентльмен старой школы, знаешь ли.

Сейчас, с рюкзаком, в брюках и рубашке цвета хаки, в высоких армейских ботинках, он действительно напоминал колонизатора тех времен, когда Англия была великой империей. Этаким денди, который мог быть светским львом где-нибудь на Пиккадилли, что не мешало ему полгода спустя охотиться на тигров в Бенгалии и подавлять восстание сипаев, утопая по колено в грязи.

Для полноты образа не хватало только пробкового шлема, который Холден заменил уже лет двести не выходящим из моды «стетсоном». Впрочем, я был одет так же. Наша одежда покупалась в одном магазине.

Только вот колонизатором я себя не чувствовал. Чем дальше мы углублялись в джунгли, тем больше я утверждался в мысли, что я идиот.

Через час Холден заявил, что у него устала рука, и настал мой черед поработать мачете. Должен сказать, что у меня рука устала куда быстрее. Тот, кто считает, что прорубать дорогу в джунглях, это все равно что выпалывать сорняки на подмосковных шести сотках, крупно заблуждается.

Но поскольку мне не хотелось ударить в грязь лицом перед британским «коллегой», я продолжал размахивать мачете, которое с каждым новым взмахом становилось все тяжелее и тяжелее.

– Я родился и вырос в Лондоне, – судя по звукам за моей спиной, Холден только что закончил раскуривать сигару. До меня доносился слабый запах табака. – Когда живешь в городе, слабо представляешь, что в мире могут быть места, подобные этому.

– А когда живешь в местах, подобных этому, слабо представляешь, что где-то есть такие города, как Лондон, – сказал я.

– Это верно, – согласился Холден. – Я соскучился по метрополии, Алекс. Я хочу выпить пива в нормальном английском пабе. Я хочу сходить на футбол и посмотреть, как возрожденная вашим бизнесменом «Челси» разносит в пух и прах «Манчестер Юнайтед». Я соскучился по крикам толпы на стадионе «Ли Энфилд». Я соскучился по своему «Астон Мартину» и нормальным асфальтированным дорогам. А еще я соскучился по женщинам, чья кожа бледнее моей.

Оказывается, и мулатки могут надоест.

– Наверное, мне придется уйти в отставку, – продолжал Холден. – Я не хочу сидеть в посольстве в Зимбабве, там женщины еще темнее. И перебирать бумажки в кабинете я тоже не хочу. Черт побери, у меня ведь не так много опыта полевой работы. А на скольких заданиях успел побывать ты, Алекс?

– Была пара дел, – неопределенно ответил я. – Ничего особо серьезного.

Интересно, а нас не демаскирует запах его сигары? Вряд ли, учитывая, что мы издаем шум, как продирающееся через джунгли стадо слонов. А это всего-то продирающаяся сквозь джунгли пара человек.

– Тут есть пара индейских троп, которыми мы могли бы воспользоваться, – сказал Холден, словно прочитав мои мысли. – Но это крюк километров в двадцать. А так мы уже к вечеру выйдем на более-менее нормальное пространство, когда нам не нужно будет бороться за каждый шаг.

– Звучит оптимистично.

– А я вообще оптимист, – поведал Холден и тут же поправился: – Был. Пока в эту чертову страну не приехал.

В джунглях темнеет быстро и неожиданно. Словно кто-то поворачивает выключатель, и на мир спускается тьма. По крайней мере, так мне показалось.

К этому времени мы продрались через труднопроходимый участок и вышли на относительно чистое пространство. Здесь махать мачете приходилось не на каждом шагу, а через один. Иногда и через два.

Когда световой день кончился, Холден предложил устроить привал, и я не стал возражать. Моя физическая форма была далека от идеала, и в организме болели даже те мышцы, о существовании которых я раньше и не подозревал.

Обустройство временной стоянки Холден взял на себя. Натаскал дров, развел костер, повесил над огнем котелок с водой, чтобы сварить кофе. Из города мы захватили кое-какие припасы, не считая армейского сухпайка, которым британский агент собирался воспользоваться в самую последнюю очередь, когда все остальные возможности наполнить желудок будут исчерпаны.

– Сухпак – это средство для того, чтобы не сдохнуть с голоду, – объяснил Холден. – И британский сухпак, как ты должен знать, ничем принципиально не отличается от сухпайка армии любой другой страны. Максимум питательной ценности, никаких вкусовых качеств. Скорее, даже отрицательные вкусовые качества. Ветераны рассказывают, что подошвы некоторых видов обуви гораздо приятнее на вкус. Сам не пробовал, врать не буду. Подошвы, в смысле, не пробовал. Сухпай пробовал. Гадость.

После целого дня физической работы на свежем воздухе у меня дико разыгрался аппетит, и копченое мясо с индейскими лепешками показались мне верхом кулинарного изыска.

К тому времени как мы покончили с едой, кофе был готов, Холден разлил горячий напиток по походным кружкам, и мы с удовольствием закурили.

– Костер можно не тушить, – сказал разведчик. – Дикае звери к огню не сунутся, индейцы тоже. Они каким-то образом чувствуют, когда огонь жгут белые люди. Наверное, что-то мы не так делаем.

– А китайцы? – поинтересовался я.

– Китайцев костром не отпугнешь, – согласился Холден. – Но они ведь и без костра нас найти могут. Нация, которая развивается с очень большой скоростью. И это пугает. Впрочем, вас это должно пугать в первую очередь. Если они захотят оттяпать у вас Дальний Восток, черта с два вы его удержите. А рано или поздно это случится.

– Ты так думаешь? – спросил я.

Потом подумал, что не стоит выказывать столь явную неосведомленность, и сообщил, что азиатским направлением мой отдел не занимается.

– Я видел карты, по которым китайские школьники учат географию, – сказал Холден. – На этих картах весь Дальний Восток обозначен как исконная китайская территория, незаконно занятая русскими оккупантами. То есть вырастает целое поколение, искренне считающее весь Дальний Восток своим. Рано или поздно они захотят вернуть его себе. У них с демографией проблемы, знаешь ли. Перенаселение, и все такое. Новые земли нужны, как воздух.

Наверное, те, кому это положено знать у нас, это все знают. И принимают какие-нибудь меры, чтобы не допустить экспансии. Хотелось бы на это надеяться, во всяком случае.

– Некоторые аналитики считают, что именно Китай будет доминирующей мировой державой в середине и конце двадцать первого века, – сказал Холден. – Обидно, когда бывшие колонии начинают диктовать свою волю во внешней политике.

– У вас почти весь мир – бывшие колонии, – заметил я.

– Да, предки неплохо размялись, – согласился Холден. – Жаль, другие предки, которые были чуть позже, не смогли удержать их завоеваний. Впрочем, это естественно. Все великие империи рано или поздно рушатся.

– США пока падать не собираются.

– Ерунда, – отмахнулся Холден. – Скоро такие ребята, как наш старый добрый Том, поймут, что одними только авианосцами всех проблем им не решить. Особенно – внутренних проблем.

Честно говоря, я не знал, что у США есть большие внутренние проблемы, но задавать такой вопрос Холдену было бы совсем глупо. Должен же я хоть что-то знать, если уж назвался разведчиком.

– Дежурить будем по очереди. – Холден швырнул окурок сигары в костер. – На правах хозяина я возьму себе первую вахту. Разбужу тебя часа в два. К шести рассветет, позавтракаем и пойдем дальше.

– Договорились, – сказал я, забираясь в спальный мешок.

Сны мне обычно снятся цветные. Не каждую ночь, конечно, но довольно часто. И я всегда их запоминаю.

Наверное, к психиатру мне лучше с их пересказом не соваться. Потому что иногда мне снится полный бред. Хотя и с сюжетом.

Например, в ту ночь мне приснилась фраза: «Олень бежит сквозь тьму, поэтому мы должны довольствоваться тем, что есть, а поезд идет в депо». Эта фраза была начертана огненными буквами на абсолютно черном фоне, но особую пикантность фразе придает то, что сам сон касался изобретения в Саус-парке³ семафора. Изобретение было сделано благодаря тому, что в городе жил мальчик, похожий на деревянную вешалку.

Наверное, стоило бы промолчать, что в этом сне помимо обычных персонажей вроде Картмана или Кенни принимал участие инопланетный розовый чебурашка-трансвестит, тяжело раненный в «Звездных войнах».

Иногда я подозреваю, что я неизлечим.

Или не те сигареты курю...

– Мое кун-фу сильнее твоего, – заявил Холден.

Логичное продолжение бреда, подумал я и проснулся.

Оказалось, Холден сказал это не во сне. И обращался он отнюдь не ко мне.

Присев на корточки, Холден разговаривал с трупом китайца, лежащим возле костра. В руке у Холдена был пистолет с глушителем.

Труп еще одного китайца лежал чуть поодаль. Третий наполовину вывалился из кустов, окружающих место нашей стоянки.

– Не обращай внимания на бред про кун-фу, – сказал Холден. – У меня есть друг, который утверждает, что после того, как ты кого-нибудь пристрелишь, надо обязательно сказать какую-нибудь глупость. Для психологической разрядки.

– Почему ты меня не разбудил?

– Китайцы кончились, – ухмыльнулся Холден. – Я не знаю, насколько хорошо ты стреляешь спросонок и как быстро ты смог бы включиться в ситуацию. Не волнуйся, я все контролировал.

– Я вижу, – буркнул я.

– Они давно на меня зуб точили, – поведал Холден. – Но в городе подступиться не рисковали. Город – негласная нейтральная территория. А тут – закон джунглей. На то они и джунгли.

Холден был прав, что не стал меня будить. В ситуацию я включился не сразу. Понадобилось несколько минут, чтобы до моего сознания дошло: шутки кончились. Даже если они когда-то и начинались.

Потому что мертвые тела были самыми настоящими мертвыми телами. И улыбчивый Холден на самом деле являлся не только профессиональным лжецом, но и хладнокровным убийцей.

Конечно, китайцы сами «зашли на огонек». Вряд ли они хотели просто попить с нами чая и поговорить за жизнь. По крайней мере тот, что лежал ближе всех к костру, сжимал в руках угрожающего вида армейский нож.

³ Саус-парк – город из популярного одноименного мультфильма, шедшего на канале МТВ.

Холден перевернул другой труп и вынул из мертвых пальцев пистолет. Тоже с глушителем.

– Я предоставил им право сделать первый выстрел, – объявил разведчик. – Но парнишка промазал.

Кора дерева, под которым сидел Холден во время ужина, была поцарапана. Вполне возможно, что и пулей.

– Ты всем предоставляешь возможность первого выстрела? – поинтересовался я.

– Не всем.

Холден обыскал трупы и свалил найденное оружие в кучу. А больше ничего при китайцах и не было. Очевидно, собираясь на вылазку, они оставили остальные вещи неподалеку.

Стреляли в Холдена. Значит, резать собирались меня. Что ж, похоже, британский агент спас мне жизнь. Другой вопрос, что, не будь его со мной, китайцы могли бы и не напасть.

Но тоже не факт...

Этой ночью мы больше не спали.

Холден свалил трупы в кусты и забросал ветками. Не знаю, зачем. Можно подумать, зверей эти ветки остановят.

Потом он выудил из своего запаса сигару и стал мрачно курить, глядя в огонь. Мое настроение тоже было нерадужным.

В своей московской жизни я не так часто видел трупы. И еще ни разу не наблюдал процесс их производства со столь близкого расстояния. Конечно, большую часть представления я проспал, но все же...

Эти люди пришли сюда, чтобы убить нас. Холден убил их. Все справедливо.

Взрослые мальчики играют в недетские игры.

Насилие – часть нашей жизни. И я предполагал, что в карьере журналиста могу столкнуться с насилием довольно близко. Но все равно оказался неподготовлен.

Впрочем, руки у меня не тряслись и голос не дрожал. Возникло только ощущение полной беспомощности – если бы не Холден, сам бы я с угрозой не справился и это мой труп сейчас лежал бы в кустах, а китайцы сидели бы около костра. И эта беспомощность мне не понравилась.

Холден был мужчиной. Профессионалом. Человеком, который делал свое дело. Я на его фоне выглядел обычным мальчиком, забравшимся в чужую песочницу и рассчитывающим на покровительство старших.

– Великая страна – Англия, – сказал Холден. – Мы подарили миру Шекспира, Байрона, «Битлз», Бэкхэма и «Гарри Поттера». Но моим кумиром с самого детства был агент ноль-ноль-семь. Почему я не умею убивать так же легко, как он?

– Это нормально, – сказал я. – Ты же не персонаж фильма. Ты – человек.

Банальность, конечно. Вряд ли она его утешит. Но что я мог еще сказать?

– Зачем они полезли? – спросил Холден, и я понял, что он разговаривает не со мной. – Почему они просто не могли пройти мимо? Мы ведь ничего в этих чертовых джунглях не нашли. И я не думаю, что найдем. Так какого черта убивать друг друга? Просто так, без всякого повода? Зачем?

Убийца, но все-таки не такой уж и хладнокровный. Глядя на страдающего Холдена, я все же почувствовал себя несколько лучше.

Он разведчик, а не мясник.

Наверное, спецназовцы после зачистки очередной территории не задают себе тех же вопросов, что и Холден...

Когда над джунглями встало солнце, наш лагерь был уже свернут, а мы выпили утренний кофе и были готовы продолжать путь. Тропический лес стал реже, и прорубать путь нам уже не приходилось.

По настоянию Холдена мы сделали небольшой крюк и посмотрели на пожитки агентов МГБ КНР, которые они оставили неподалеку от места своего упокоения: армейские рюкзаки, радиопередатчик, немного припасов.

– Я не против мародерства, если оно оправданно, – сказал Холден. – Но в данном случае нам вполне хватит того, что у нас с собой.

Похоже, он боялся появления у гипотетического наблюдателя мыслей, что он пошел на убийство троих людей только ради еды. Очень щепетильный разведчик.

Фигня случилась через несколько минут после полудня.

Холден, как обычно, шел первым и показывал дорогу. Он не курил и больше не разговаривал – наверное, все еще переживал по поводу ночного происшествия.

Я был рад его молчанию и обдумывал варианты своего дальнейшего поведения. Стоит ли сообщать, что я не агент, и как он отреагирует, если я ему такое скажу?

Похоже, я сделал глупость, не улетев из Белиза вместе с Владимиром и решив предпринять собственное расследование. Здесь не только пили и веселились на пляже. Здесь еще и убивали.

Я надеялся, что мы ничего не найдем, вернемся в город без дальнейших эксцессов, и я смогу спокойно покинуть эту страну, так и не посмотрев на хваленый авианосец дяди Тома и не заглянув в глаза «наших китайских друзей».

Холден рухнул молча, на половине шага. Разведчики так не падают. Он не пытался сгруппироваться, смягчить удар, перекатиться в сторону, уходя от опасности. Он просто рухнул, как будто его выключили. «Стетсон» слетел с головы, рюкзак чуть съехал набок.

Холден лежал и не подавал никаких признаков жизни.

Я не слышал выстрела и даже звука впивающейся в тело пули. Возможно, я и не мог ничего услышать за шорохом наших шагов. Выходит, китайцев было больше, чем трое? Или мы нарвались на еще одну группу?

Наверное, профессионал на моем месте упал бы на землю, одной рукой сдирая со спины сковывающий движения рюкзак, а другой доставая оружие. Одновременно с этим профессионал должен был бы обшаривать джунгли цепким взглядом, пытаясь определить, откуда велась стрельба.

Но я не был профессионалом. Меня взяла оторопь.

Вместо того чтобы действовать по вышеизложенному сценарию, я склонился над Холденом, пытаясь определить, жив ли он и не требуется ли ему помощь.

И в тот момент, когда я перевернул тело британского агента на бок и не обнаружил на нем никаких видимых повреждений, меня тоже «выключило».

Глава 6

Проснулся я одним «рывком».

Бывает так, что человек во сне резко дергает рукой или ногой и сам от этого движения мгновенно просыпается. Вот так случилось и со мной.

Только я головой дернул.

Вздрыгнул, открыл глаза – перед глазами все белое.

Пару раз моргнул, и «белое» оказалось стеной.

В организме никакого дискомфорта не наблюдалось. Я лежал на кровати, все еще в походной одежде, выданной Генри Холденом, только без ботинок. Впрочем, ботинки обнаружили рядом.

Сама комната была небольшой, полностью белой и без окон. Дверь была покрашена такой же белой краской, как и стены, поэтому при первичном обзоре помещения найти ее не удалось.

Я сел на кровати и натянул ботинки. Заглянул под кровать. Рюкзака, свернутого спального мешка, пистолета и прочих моих вещей там не оказалось. Почему-то это меня не удивило.

Я прошелся по комнате. Тело слушалось безо всяких проблем, равновесия я не терял, с координацией движений тоже все было нормально. Нигде ничего не болело. Как же меня тогда вырубил? Или это был солнечный удар? У нас с Холденом одновременно?

Ну, допустим, я еще могу поверить, что солнечный удар мог быть у меня. У изнеженного городской жизнью парня, чей организм давно ослаблен алкоголем и никотином. Но чтобы от банальной жары свалился тренированный британский разведчик? Нонсенс!

Быть такого не может.

Дверь была очень плотно подогнана к коробке, в зазоры даже мизинец просунуть не удалось. Я толкнул дверь, она не поддавалась. Потянуть ее на себя не было никакой возможности – ручка с внутренней стороны отсутствовала.

Пришлось остановиться на мысли о том, что дверь заперта. Я сел на кровать и похлопал себя по карманам. Дико хотелось курить, но сигарет с собой не было. Карманы вообще оказались пусты.

Ну и где я? Непохоже это место на больницу захудалой латиноамериканской страны.

И вообще не так часто мне встречались комнаты без окон.

Сумасшедший дом? А почему я тогда в своей одежде? Или здесь принято оставлять пациентам те шмотки, в которых они прибыли?

В любом случае непонятно, как я переместился из джунглей в сумасшедший дом.

Хм... Если это сумасшедший дом, то были ли вообще джунгли?

А одежда... Ну, мало ли какие теперь в дурдомах пижамы...

Ага, и халаты у врачей странные. Или парень, который навел меня примерно через час после моего пробуждения, совсем не врач.

На вид ему было лет сорок, и одет он был в некое подобие военной формы. Только я такой формы раньше никогда не видел.

На поясе висела кобура, из которой торчала странного вида хреновина. То ли электрошокер, то ли фаллоимитатор. Наверное, все-таки это был шокер. Кто бы стал таскать фаллоимитатор в кобуре?

Дверь открылась без единого звука. Открылась она, как я и догадывался, наружу. Только не вбок, как положено открываться любой уважающей себя двери, а вверх, как у спортсмена. Очень своеобразное архитектурное решение.

– Меня зовут доктор Полсон, – он смерил меня взглядом и положил руку на хреновину в кобуре. – Вы американец?

У доктора Полсона был неплохой английский. Но едва уловимый акцент говорил о том, что этот язык для него не является родным.

– Нет, – сказал я.

– Англичанин?

– Русский.

– Но тоже разведчик?

– Нет, просто мимо проходил.

– Смешно, – сказал доктор Полсон, даже не улыбнувшись.

Могу его понять – это была не самая лучшая моя шутка.

– А вы кто? – поинтересовался я.

– Добрый плантатор.

– Тоже смешно, – сказал я. Или все-таки в местных джунглях оказалась перевалочная база Медельинского наркокартеля? А что, интересная версия. Тут до границы с Мексикой недалеко. А там и США рядом... – Но это все еще Белиз?

– Белиз, – подтвердил доктор Полсон. – Как себя чувствуете?

– Нормально.

– Это хорошо.

Два шага назад вывели его из комнаты, и дверь плавно опустилась на свое место. Славно поговорили...

Сложно сказать, сколько времени я провел в одиночестве. Часов не было, окна, чтобы наблюдать за сменой дня и ночи, – тоже, свет мне не выключали.

В конце концов мне стало скучно, и я лег спать.

Проснулся от того, что меня трясли за плечо. Трясущий оказался не доктором Полсоном. Это был мужик примерно того же возраста и в такой же одежде, но выглядел он раза в два мощнее, чем сублильный доктор.

Не знаю почему, но я решил, что он военный.

Представляться он не стал.

– Сядьте, – велел он.

Я сел. Почему бы не сесть, если человек просит? Вежливость еще никогда никому не вредила.

Мужик устроился на стуле посреди комнаты. Стул он, видимо, принес с собой, потому что до его визита единственным предметом мебели в комнате была моя кровать.

В руках у мужика был включенный КПК⁴ неизвестной мне модели. Не иначе, технологическая новинка.

– Ваше имя?

– Алексей Каменский. А ваше?

– Возраст? – Мой вопрос он проигнорировал. Уж не захватили ли меня сотрудники еще какой-нибудь спецслужбы? И какая страна постаралась?

– Двадцать три.

– Год рождения?

– А сами вы посчитать не можете?

Он вздохнул.

Я отметил, что у этого парня точно такая же кобура, как у доктора Полсона. И торчит из нее очень похожая хреновина.

⁴ КПК – карманный персональный компьютер.

– ФСБ?

– Нет.

– ГРУ?

– Нет.

– А что тогда?

– Журналист. Безработный, – я решил, что честность – лучшая политика. Потому что не мог сообразить, как мне выгоднее врать.

– Что безработный журналист делал в джунглях вместе с агентом «Интеллидженс сервис»?

– Совершал променад? – попытался угадать я.

Значит, Холден раскололся. Странно. Я думал, он покрепче. Профессионал все-таки.

– Холден сказал, что вы – русский агент.

– Я его обманул.

– Может быть, вы пытаетесь обмануть меня?

– А смысл?

Он нахмурился:

– Как по-вашему, где вы сейчас находитесь?

– Понятия не имею, – признался я.

– И вы не русский агент?

– Я – русский. Но не агент.

Он вздохнул, выключил КПК и сунул его в нагрудный карман. Его правая рука отточенным профессиональным движением скользнула вниз, и уже через миг похожая на фаллос хреновина покинула кобуру и оказалась направлена на меня. При этом все остальное тело оставалось неподвижным, и у меня сложилось впечатление, что правая рука этого типа живет своей собственной жизнью.

– Э-э-э... может, еще поговорим? – предложил я.

И тут меня снова «выключило».

Очнулся я в кресле. Тревожным был тот факт, что к этому креслу я оказался привязан. Причем – намертво. Руки и ноги были зафиксированы так плотно, что я мог шевелить только кончиками пальцев, головой тоже не покрутишь.

Хотелось надеяться, что это не электрический стул, но именно такая ассоциация пришла мне на ум первой.

Помещение было немногим больше, чем первое, но его выгодно отличало наличие мебели. Одну стену полностью занимала аппаратура непонятного назначения. Еще в поле зрения имелись доктор Полсон и второй мужик. Тот, который меня вырубил.

– Как себя чувствуете? – поинтересовался Полсон.

– Все еще нормально, – сообщил я. – Но подозреваю, что это ненадолго.

– Не волнуйтесь, – обнадежил доктор Полсон. – Ничего непоправимого с вами не произойдет.

– Что вы со мной делаете?

– Пока еще ничего, – сказал Полсон. – И то, что мы с вами сделаем, это для вашего же блага.

Кажется, я уже упоминал о моем отношении к людям, которые делают что-то для моего блага. Особенно интересно, что обычно такие люди предпочитают не спрашивать моего согласия на предпринимаемые ими действия.

Как правило, в таких ситуациях блага получает кто-то другой. А на мою голову сыплются неприятности.

В данном случае на мою голову надели устрашающего вида железный шлем, что еще больше усилило ассоциации с казнью на электрическом стуле.

Но леденящего ужаса я почему-то не испытывал. Наверное, потому, что ситуация была слишком абсурдной, и разум (ну или то, что у меня вместо него, ибо, как показывает практика, человеком разумным может называться далеко не каждый индивид) не воспринимал происходящее всерьез.

– Больно будет? – поинтересовался я.

– Скорее, будет немного неприятно, – поведал Полсон.

– И насколько неприятно?

– Заткнись, – сказал мне второй чувак.

– А то что? – спросил я. – Электричество подключите?

Чувак занес было руку, явно собираясь отвесить мне пару оплеух. Бить привязанного к стулу человека – это же так просто. И так благородно...

Я рефлекторно зажмурился.

– Не стоит, майор, – сказал Полсон. – Настройки собьете.

Чувак опустил руку. Ага, значит, он таки военный. Осталось только определить, какой армии.

Полсон впился взглядом в большой плоский монитор, по которому бежали замысловатые графики. Отстучав пару команд на клавиатуре, перевел глаза на меня и сказал:

– Приготовьтесь. Сейчас будет неприятно.

– Вот уж спа... – Но закончить благодарственную речь мне не удалось, так как Полсон нажал еще какую-то кнопку и мне стало неприятно.

Не больно, а именно неприятно. Но очень-очень неприятно.

Такое ощущение, что мне в черепную коробку запустили миллион муравьев, лапки которых подкованы железом. И весь этот миллион муравьев своими шестью миллионами лапок бегал по поверхности моего мозга, вызывая неутолимый зуд, от которого не избавиться простым почесыванием.

В реальном времени это длилось недолго. Секунд двадцать, а может быть, тридцать.

Но субъективно эти секунды разделились на вечность.

Потом Полсон нажал на кнопку, и все кончилось.

– ... – сказал я. – Чтоб вас обоих приподняло, хлопнуло, сплющило, размазало, а потом еще раз приподняло и так и оставило!

Полсон нахмурился.

Я сообразил, что выругался по-русски, так что полного смысла пожелания он мог и не уловить. Однако, судя по сосредоточенности его лица, его заботило вовсе не непонятное ругательство.

– Ты путешествовал по лесу, заблудился и долго не мог найти дорогу к людям, – сказал майор. – У тебя кончились еда и питье, ты умирал от жажды и потерял сознание, когда тебя нашли индейские охотники. Они и принесли тебя сюда. Ты должен быть им благодарен за то, что они не оставили тебя умирать в лесу. Они не очень любят белых. Сейчас ты находишься на плантации, принадлежащей нам, и скоро мы отправим тебя в город на вертолете.

Полсон покачал головой.

– Точно, – сказал я. – Именно так все и было, майор.

Теперь пришла его очередь хмурить лоб.

– Ты что, все помнишь? – спросил он.

– Ага, – сознался я. – На меня эти ваши джедайские штучки не действуют. И еще ты ладонью по воздуху провести забыл.

Мне всегда говорили, что язык мой – враг мой, и большая часть неприятностей происходит со мной именно потому, что я не способен держать своего врага за зубами.

Еще мне говорили, что у меня дурацкое чувство юмора, мозг амебы и чувство такта, как у медведя-гризли, проснувшегося с большого похмелья. В общем, мне про меня много чего говорили...

– Что происходит? – спросил майор у Полсона.

– Процедура не подействовала.

– Я вижу, что она не подействовала, – сказал майор. – Я спрашиваю, почему?

Полсон пожал плечами.

И, что самое удивительное, разговаривали они уже не по-английски.

Это была смесь английского, испанского, французского, немецкого и, как ни странно, русского. Я не могу похвастаться совершенным знанием всех этих языков, тем более что и говорили они именно на смеси и с весьма странной грамматикой. Однако в целом суть диалога была мне понятна.

– Раньше такие случаи были? – спросил майор.

– Нет, – ответил Полсон. – Никогда. Даже на стадии экспериментов процедура... – следующего слова я не понял, – не давала ни одного сбоя.

– Наше оборудование в порядке?

– Да.

– Тогда, может быть, стоит повторить?

– А смысл?

– Чтобы удостовериться.

Полсон вздохнул, коротко и ясно дав оценку предложению майора. Тем не менее он снова щелкнул клавишами на выносной клавиатуре, и миллион подкованных муравьев вернулись в мою черепную коробку.

– ...! – Теперь уж я не стал сдерживаться.

Процедура показалась мне еще неприятнее, чем в первый раз, и длилась она существенно дольше.

Разговаривать после окончания процедуры они со мной не стали. Полсон посмотрел на монитор и отрицательно покачал головой.

– Не вижу здесь большой проблемы, – сказал майор. – Одним навсегда исчезнувшим в джунглях больше, одним меньше... Ну, не вернется он в город, и что это изменит? Большого шума, чем есть, мы уже не создадим.

– О чем вы говорите, майор?

– О физическом устранении. Джунгли все спишут.

– Вы предлагаете нам его убить?

– Да.

– Эй! – подал голос я. – А как же гуманизм, человеколюбие, и все такое? Может, сначала по-хорошему попробуем договориться?

– Коровье дерьмо! – по-английски выругался майор. – Он что, нас понимает?

– Попробуйте говорить на суахили, – предложил я. – Тогда вас точно никто не поймет. В этой части света – как минимум.

Вот не надо было мне этого говорить. Майор расстроился, снова вытащил из кобуры свою хреновину, и меня опять вырубил.

Когда сознание вернулось ко мне в очередной раз, я лежал в кровати, что было хорошо. Уж по крайней мере лучше, чем на электрическом стуле. Или в море.

Только на этот раз я был к этой кровати привязан, что не прибавляло оптимизма.

Интересно, что за фигня тут происходит? На заговор спецслужб это уже не похоже. На перевалочную базу Медельинского или любого другого наркокартеля – тоже.

У прежних версий оказался слишком мелкий масштаб.

Фигня, которая творилась со мной, носила явно бóльшие размеры.

К правой руке был прикреплен какой-то датчик, но аппаратура в комнате по-прежнему отсутствовала. Bluetooth штуковина, посылающая данные куда-то еще?

Работала она неплохо, и за моим состоянием явно кто-то следил, потому что уже через пять минут после моего пробуждения в комнату явились Полсон с майором. Судя по тому, что у них с собой были стулья, они явно настроились на долгую беседу.

– Я хочу курить, – сообщил я. – Догадываюсь, что вы собираетесь мне что-то сказать, но я лучше понимаю слова, когда не страдаю от отсутствия в моем организме никотина.

Полсон посмотрел на майора.

Майор посмотрел на Полсона.

Полсон вытащил из кармана начатую пачку моих сигарет и зажигалку. Майор освободил мою левую руку.

Пока они рассаживались по стульям, я закурил. Первая затяжка, как это обычно случается после долгого перерыва, принесла легкое головокружение, и это было хорошо. Курильщики меня поймут.

– Пепел куда стряхивать? – спросил я.

– На пол, – сказал майор. – И учти, что больше сигарет у нас нет.

– Бедно живете, господа плантаторы, – хмыкнул я.

Мы опять разговаривали по-английски.

– Расскажи нам о себе, – потребовал Полсон.

– Что именно? – уточнил я.

– Все.

– Это займет какое-то время.

– Неважно, – сказал Полсон.

– Но потом не говорите, что я вас не предупреждал, – предупредил я и принялся за рассказ.

На самом деле обычный человек, к коим я всегда относил и себя, может не так уж много рассказать о первых двадцати трех годах своей жизни. Не слишком она богата на достойные упоминания события.

Родился, ходил в детский сад, учился, дружил, влюблялся, дрался, спорил, мечтал...

Попробуйте сами. Едва ли вы сможете растянуть этот рассказ на три с половиной часа, даже при условии, что вам удастся вспомнить несколько особо примечательных эпизодов.

Мне удалось.

Потому что я вредный.

За это время я выкурил еще две сигареты, стряхивая пепел на пол, как и было предложено. Я еще и окурки тушил о белую стену, но у моих гостей столь варварские действия не вызывали никакого раздражения.

Они слушали. Слушали очень внимательно, как будто я им теорию относительности обосновывал. Или являл откровение новоявленного пророка.

Когда я закончил, они обменялись многозначительными взглядами, но разговаривать между собой на суахили все-таки не стали.

– Итак, ты не разведчик? – попытожил майор.

– Нет.

– Но все принимали тебя за разведчика?

– Глупо получилось, правда?

– Холден – идиот, – сказал майор. – Я всегда это знал. Человек, который попадает в одну и ту же ловушку четыре раза и все же с завидным упорством продолжает лезть в джунгли, не может не быть идиотом.

Упс, подумал я. Значит ли это, что с Холденом процедура, давшая сбой на мне, сработала уже четырежды? И если бы она подействовала и в моем случае, я был бы уже на побережье, мог бы валяться на пляже, попивать холодные коктейли и продолжать строить из себя русского шпиона?

И что именно сделала бы со мной эта процедура?

– Ты знаешь, что здесь происходит? – спросил Полсон.

– Это вопрос на миллион, – объявил я. – Никто не знает, что здесь происходит. Кроме вас двоих, очевидно. Иначе представители всех разведок мира не протирали бы штаны на побережье. И, как я догадываюсь, не только на побережье.

У меня к этой парочке тоже накопилось много вопросов, но я почему-то думал, что отвечать они откажутся.

– Ты знаешь, что являешься единственным человеком, на которого не подействовала процедура ментальной блокировки?

– Теперь знаю, – сказал я.

Вот уже и термины из научно-фантастической литературы в ход пошли. Интересно, а бластеры у них есть?

– Мы даже на некоторое время готовы были предположить, что ты не являешься человеком, – сообщил Полсон.

– Чужой против хищника, – хмыкнул я. – Кто бы ни победил в этой войне, человечество в любом случае проиграет.

Оказалось, они не видели этого фильма и не читали рекламного слогана. Или у них просто чувства юмора нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.